

М Р Д В О Д Ш

МІЯИЛА Ђ. БЕЛЕШЕВИЃА.

СВЕЗКА II.

ЦРВЕНА АЉИНА.

Page 120

Р19 СрГ 520.1

I

ШРВЕНА ДЛЪИНА

ИЗЪ

ЧАЙКОВСКОГЪ,

съ немачкогъ преведена.

У БЕОГРАДУ,

Словима Правительств. Кнъигопечатнѣ,

1856.

Књ. бр. 319336

БИБЛИОТЕКА
Ос. Г. Михаиловића
ИВБИЈО

Было є зими године 1828, кадъ самъ се я
 съ моимъ пріятелѣмъ Іованомъ Омѣцинскимъ
 у єдномъ лову по шумама око Чуднова загубіо
 и єдва найпосле у мало сеоце Биковку дошао,
 коє у средини грдны бара' и неприступны шума'
 лежи. Мы смо знали, да у томъ селу седи єданъ
 племіѣнъ именовъ Тома Язловѣцкій, кога су
 у целой околинѣ држали за некогъ вештца и
 врача, и шта выше было є людій, кои су по-
 тврђивали, да є онъ самый злый духъ у човека
 претворенъ. Онъ живляше за себе и удалѣнъ
 одъ людій, незанимаше се ничимъ и опеть зато
 ніє се могла на нѣму видѣти никаква оску-
 достъ; онъ непоођаше никога, аль и кодъ нѣга
 опеть никадъ се ни єданъ гость ніє дао ви-
 дѣти.

Утрвеномъ єдномъ путаньомъ корачали
 смо крозь средъ корова и густы шушняра'

къ селу; снегъ яко падаше и навеваше шуштећи преко ограняка боровине; потмуло звиздаше ветаръ око чворова стогодишнѣ еле, а нити месецъ нити една едита звезда могла се на небу видити. У дальнини урлали су кураци, а изблиза яукао е лисаць или часъ по часъ пролетао кои поплашенный дивльїй вепаръ по шкрипећемъ снегу, кои е подь ногама нѣговымъ прштіо. Садъ примѣтимо ми едну свѣтлость предь нама и по положеню места заключимо, да ће быти Биковка; мой прїятель проговори ми „како е кадъ бы кодъ Язловѣцкогъ свратили?“ дркћући одъ зиме одговоримъ му: „я идемъ, па ма да бы и кодъ самогъ ѣавола было.“ Предь кућомъ небыаше никаквогъ псета на ланцу, мы куцнемо на врата и ова намъ одма отвори еданъ средовечанъ човекъ, прикладнога стаса, и врло сувонявогъ лица. Обоица назовемо „Хвалѣнъ Исусъ!“ и онъ одговори: „у вѣчности Аминъ!“

Мы увидисмо, да е то самъ Язловѣцкїй быо, али насъ е стидъ было натрагъ вратити се; а могућно, да насъ е и зима одважнима учинила.

У соби была є чистота и тепло; о зиду висило є неколико светы ликова, єдна крива сабля и єдна черкезка бурка (кишно япунце одъ дебелогъ уваляногъ сукна.); то намъ показываше, да онъ богобоязливо живи и себе одъ злы людій бранити уме. Уместо кривета стаяле су даске на дрвенымъ ножицама коньскомъ кожомъ застрте, одозго є лежала єдна оцакля за покривачъ; а кодъ пенцера стаяше єданъ асталь и єдна клупа. Нашъ угоститель имаѣаше црне очи, црну као угльнь косу, орловый носъ, отобольне бркове и дугачку браду; а на себи црну свичку и широке шараваре као єданъ украинскій селякъ. Онъ насъ угости печеномъ дивлячиномъ и старымъ шербетомъ, пре свега пакъ живомъ ватромъ на оцаклии. Поредъ простогъ одеда, у комъ є онъ предъ насъ изишао, постави насъ у немало удивленъ начинъ нѣговогъ приманя и нѣгове забаве, кои є добро воспитаніє и много знанъ показивао; а особито пакъ нѣгова углаѣеность великогъ света, коя се крозь савъ нѣговъ дивльій споляшнѣій изгледъ провидити дала. Онъ примѣти то и ненаѣе се зато ни найманъ увреѣенымъ. По-

што смо се мало изъ ближе упознали; постаде онъ све разговорни и зактеваше одъ насъ, да докъ є годъ живъ никаквогъ словца ни съ кимъ непроговоримо о томе, што одъ нѣга чули будемо; и онда приповеди намъ догађає свогъ живота као што слѣдує:

Далеко одавде, на турской граници, я самъ се године 1790, родіо; нећу вамъ приповедати оно, што су мени толико већъ пута преповедали, съ каковомъ су радостѣу мои родители данъ мога рођеня одпоздравили; можете себи и сами то представити, кадъ вамъ кажемъ, да самъ я треће дете а првый текъ сынъ єдногъ имућногъ племића, кои є бывши коморникомъ краля Станислава Августа, седамъ села на оба лама Днѣстра као наслѣдну собственность притяжавао и ништа тако на овомъ свету неуважавао, као свое укоренѣно фамилярно име и грбъ свое породице. Мой отаць быяше правый племићъ оногъ времена, покваренъ туђероднымъ упливомъ. Богобоязливо и строго воспитанъ, по напраситой и жестокой своіой нарави было бы онъ може быти врстный юнакъ на

сабљи постао, али на своју несрећу дође у дворъ Саксонскій а доцнѣ къ Станиславу Панятовскомъ. Ту — Боже ми опрости и буди му свагда милостивъ! — научи онъ стране ѣзике, прими туђе обичае и непристойности, стане ревностно читати кнѣиге тадашњи филозофа' и тако погуби свако стра'опочитаніе за светиню свое вере. Онъ ніе веровао ни у Бога, нити у ѱавола; него е направіо честь себи за идола; овой е служіо онъ као златноме телету. Пошто е иманѣ и здравлѣ разточіо, врати се у Отечество натрагъ и ожени са єдномъ имућномъ господичномъ. Изъ честолюбія само а не изъ увереня држаше се онъ у време паденія нашегъ Отечества тврдо кралѣвске партае и у слѣдству єдногъ писма, кое е краль изъ Петрограда писао, получи одъ царице орденъ и државно званіе. Изъ єдногъ честолюбія давао е себи споляшній изгледъ доброгъ супруга, али у средини свое породице быяше онъ строгій деспотскій господаръ; нѣжне свезе пріятельства быле су нѣму сасвимъ непознате. Изъ честолюбія напослѣдку любіо е и мене сто пута выше него мое сестре; єрѣ я ћу требати име и грбъ

Язловѣцкогъ на потомство разпрострети. Нѣ-
 гови поданици и слуге дрктали су одъ нѣго-
 вогъ гласа и бояли се нѣгова гнѣва као гнѣва бо-
 жієгъ. Ни єдногъ єдитогъ одъ свои сусѣда не-
 имаѣаше онъ за правогъ пріятеля, али опетъ
 долазили су сви кодъ нѣга на части; єръ онъ
 ій примаше великолѣпно и угошѣаваше у сво-
 іой кући раскошно; съ найпонизіомъ предо-
 сторожностѣу ишли су сви „Великоможномъ
 коморнику и Маршалу“ на сусреть, єръ нѣговъ
 изгледъ кодъ руске монархинѣ быяше великъ,
 дакле и нѣгово покровителство силно. Моя мати
 была є у манастиру воспитана, кѣи смиренны
 и у околинѣ добро уважаваны ротителя. У своіой
 шестнайстой години оставила є была ћелію, а
 у седамнайстой пошла є за могъ оца. Пуна
 анѣлске доброте, уздржателна, нѣжночувству-
 юћа и смирена укланяла се одъ свакогъ друж-
 ства и задржавала у своіой кући у кругу слу-
 жителя и своє ситне деце. Смиреномислећа
 супруга мышляше, да іой є судба така и неможе
 другоячія быти и не ропташе противу исте,
 него благосиляше волю божію и почитоваше
 свога супруга као одъ родителя нѣны датогъ

іою заступника. По некадъ само пуштала є у самоѣи по кою ти'у сузу, кадъ бы ю мой отаць жестоко нападао, што толико дуго у цркви остає, или што се у вече до дубоке ноѣи богу моли.

Я самъ вамъ представіо єданъ краткій образъ живота мой родителя, да увидите, каква є упечатленя моя дѣтиньска наравь получавала и како се моя душа у слѣдству тога образовала и развіяла.

Я самъ любіо мою майку искрено и свєрдно, и она мене миловаше и гововораше не прєстано о многимъ и лепимъ стварима: О доброты и величини божіою, о оному свету, о небу; она ме учаше, да люде любити и нѣма на услуги и одъ помоѣи быти треба; а у дѣтиньству, кадъ су наша чувства іоштъ млађана, наша срца іоштъ непокварена, о како ватрено любимо мы оногъ, кои насъ любити учни! Могъ оца заиста страшіо самъ се я; онъ ме є често миловао; давао играчкій и посластица' много, али колико ме є годъ пута видіо клечећегъ богу се молити говоріо бы ми

жестоко: „Томо, диг' се горе, то никако ніє нужно за єдногъ Язловѣцкогъ.“ И колико є годъ пута примѣтію, да я каквомъ сиромашу притримъ и готово га намолимъ да мой даръ прими. викао бы замномъ: „Баца тамо богалю што му дати оћешъ, али га се недодирай; єрь тако треба єданъ Язловѣцкій да ради!“ или кадъ бы я у краю гди плакао, што нисамъ могао служавку одъ заслужене казни измолити а отаць бы то примѣтію, долазію бы къ мени и ухвативши за руку, рекао бы: „тву срами се плакати; єданъ Язловѣцкій несме имати срце као жена.“

Овай противословный начинъ поступаня мой родителя справъ мене, обратію є іоштъ онда као и садъ сву искреность могъ чувства на страну мое матере; я самъ уважавао и бояо се могъ оца, али любію и почитовао майку; сестре мало уважаваше мой отаць, али майка ій любяше равномѣрно као и мене; и тако любили смо мы єдно друго изъ свегъ срца, свомъ душомъ. Као мою ютреню молитву исповедао самъ я майки сва моя дѣла и мишле-

ня; предъ оцемъ научіо самъ све сакривати и съ ѱутанѣмъ на нѣгове речи одговарати; а иза нѣговы' леѣа' сасвимъ противно поступати.

Я самъ быо текъ у девету годину живота ступіо, кадъ є моя майка, тай мой анѣохра-нитель, после єдне кратке болести овай светъ са больимъ заменила. — Нашъ угоститель умукне, очи нѣгове сузама се наводнише и нѣгово подивлячено лице намршти се са изражаємъ дубоке туге тако, да су намъ свима сузе на очи удариле. После мало попрестане, уздане и утревши суровомъ рукомъ сузе проду-жи оваво далъ:

Я гледамъ іоштъ у овомъ магновеню бле-до лице мое майке, нѣне примируѣе очи; текъ што є одъ свештеника свету тайну последнѣгъ помазанія примила, заигра іой некій вышезе-мный чисто анѣлскій осмеякъ на лицу; она по-гледи око себе, насъ троє деце стояли смо кодъ нѣногъ кревета и плакали горко; собне служав-ке уздржавале су силомъ сузе, кое су имъ изъ очіо рониле; самъ свештеникъ быаше дубокомъ жалостѣу тронуть. Нашъ отаць при послѣд-

нѣмъ помазанію бѣше изъ себе изишао. Наша майка подигне слабачку свою руку и благослови насъ све знакомъ светогъ крста: „Збогомъ остайте децо моя — рече намъ — и вы, кои сте ми у животу близу были. Децо моя, любите Бога, почитуйте вашегъ оца — любите се међу собомъ — любите ваше ближнѣ — будите добри и смирени, збогомъ.“ Нѣнъ гласъ уздркѣ и учини се као да е нестао. Я іой обухватимъ руку и станемъ моимъ сузама поливати. „Неоставляй насъ майко! Ты несмешъ іоштъ Богу ићи.“

„Томо сладкій и то су были нѣне последнѣ речи; одъ суза нисамъ могао ништа выше видети; я самъ чуо само ясно еџанѣ и плачъ, и гласъ мога оца: „водите ій напољ.“

Три дана лежао самъ изванъ себе у грозници, кадъ самъ опеть къ себи дошао, видіо самъ кодъ могъ кревета доктора и могъ оца; овај му е говорио: „Я ћу вамъ целогъ живота благодаранъ остати, господинъ докторе, спасите му животъ, онъ е моя єдина надежда, надежде породице Язловѣцкогъ.“

Я повичемъ ясно: „Гди є моя майка? водите ме къ майки!“ Отаць ме миловаше по лицу: „Твоя є майка отишла на путь, но она ће опеть доћи“, и изиђе напољ. Али ніє дуго траяла ова моя неизвѣстность, съ плачнимъ очима дођоше ми крадомъ мое сестре: „мы выше немамо майке, наша є майка мртва.“ Мы нисмо плакали, мы смо запевали; и то изливанѣ мое туге, то ясно очаянѣ принело є выше къ моме оздравленю него сва средства лѣкарска. За дуго време нисмо ни о чемъ другомъ говорили, него о майки, о нѣной болести, — нѣной смрти; испытывали смо и за найнезнатніє поєдиности при погребу и плакали и ожалили редомъ, кои одъ кога выше. Али у детиньству корача утѣха са очаянѣмъ заєдно и мало по мало заостаю само іоштѣ опоминяня, коя после одъ времена на време као стари пріятельи човека посѣщтаваю, и у нѣгово срце по гдикою каплю жалости на-капаю.

На скоро одведу насъ у друго село, гя добыємъ некогъ француза изъ кондеове войске за наставника. Као што се говорило было є

надзиратель надъ псима некогъ великаша Францускогъ; а као што онъ самъ казываше пріятель и ађутантъ княза Монакскогъ, притяжателя полка кралѣвско - Норманске кавалѣріе.

Мой отаць небриняше се о томе ни найманѣ, нѣму є доста то было, да є онъ странаць, да нїє полякъ, да ни єдну речь польски разумевао нїє; да є верозаконъ изсмеявао и при томъ често име Волтерово споминяо; али никадѣ ни єдну речь изъ нѣговы списанія не проговоріо. Моє сестре добыю за учительку или као што се говорило: „воспитательку“ такође єдну Францужкиню, коя є, као што смо мы доцнїє дознали, у младости своіой са єднимъ офицыромъ по свету тумарала, и пошто є доста свакояке судьбине преметнула, напослѣдку стала за гардеробієру кодъ неке славне играчице, коя є тада по Европи странствовала; а пошто є нѣна госпоя постала званичномъ любезникомъ єдногъ старогъ поляка совѣтника у Петрограду, онда є истый совѣтникъ старый познаникъ и као што самъ уверанъ баше, правый пріятель мога оца гардеробієру своє любезни-

це моимъ сестрама за учительку послао и єдинимъ писмомъ препоручіо, да є она неоценѣный адићаръ, и превелико благо овогъ света. И мой отаць быо є пунъ радости збогъ ове среће и адићара. Осимъ тога узети су играня — музике — начертанія учительи, а за мене іоштъ и бореня и яшеня вештаци. Наука Христова, мораль, польска исторія и єзыкъ ни су заборављена была; али отаць казиваше често моимъ учительима: „То ніє нужно за єдногъ Язловѣцкогъ; девойке, кадъ само французки, нешто свирати и играти науче, наћи ће себи лако мужа; єрь ће іоштъ и єданъ малый миразь доћи. Тома ће седамъ села и име Язловѣцкогъ имати; ако буде светски воспитанъ, то ћу га я коморникомъ начинити; будели му нужно, наћи ће за новаць свакадъ себи єдногъ польскогъ писара; у осталомъ свакояко є пробитачніє французски говорити и писати; што се пакъ польске исторіє и науке Христове тиче, то є данасъ єдномъ воспитаномъ човеку толико нужно, колико мртвацу што є каденѣ сандука.“

Овакове речи мога оца служиле су за правило нашегъ воспитанія; я вамъ небу разлагати како є воспитаніє ово напредовало и какве смо успѣхе мы у светскимъ наукама чинили; примѣре о томъ можете свакій данъ покућама велике господе и кодъ богатіегъ племства наше землѣ видити. Моя старія сестра Маріяна, добра, смирена и чувствителна девојка као и моя почивша майка, после ове на три године умре одъ ехтике; моя жалость за нѣомъ была є дубока, єрѣ самъ є срдечно любіо. Моя млађа сестра Катарина, и я, корачали смо брзимъ корацима путемъ овогъ помодногъ воспитанія. Она є попримала сваке непристойности несносно єдне женске или ветренясте девојке; а я опеть постанемъ нека женска помодна луда, досаданъ и мрзакъ себи самоме, а досадни и мржій іоштѣ другима. Съ найвећомъ лакомисленосћу тежіо самъ за свачимъ, што мое ніє было, а одтурао опеть ногама одъ себе чимъ бы исто постигао; осетљивостћу моіомъ быо самъ у станю у єдномъ тренутку као золя свакоме у очи скочити, ко бы моіой вољи на путь стати хотео; а страшљивъ опеть и по-

водливъ пусто бы се као мекій восакъ гнѣч-
ти и савіати одъ свакогъ онога, кои бы само се-
би труда о томъ дати хотео. То ипакъ искре-
но признати морамъ, да самъ срце и веру са-
чувао; а са ове две ствари човекъ опеть ніе
балаваць за другога, ніе издроблѣный црвь за
себе самогъ. Али ова моя преимуѣства была
су чрезъ воспитаніе тако удушена, да є само
дуго какво и неуморимо напрезанѣ мое околи-
не, или среѣнанѣ какавъ ударъ судьбине у ста-
ню быти могао иста изъ нѣовога мртвачкогъ
сна пробудити. Мой отаць, кои є съ єдне стра-
не слабость спрамъ мене показивао, а съ дру-
ге опеть поступао са мнома начиномъ неми-
лимъ, заповедаюћимъ и тиранскимъ, избіо ми є
изъ срца и незнаюћи свако добро осеѣнанѣ,
или найпосле учиніо є мою наравъ суровомъ и
немилоствивомъ.

Я се іоштъ врло добро опоминѣмъ како
є єдномъ ѱорѣе, — старый слуга мое майке,
кои є само као пунозаслужанѣ кодъ мене іоштъ
заостао быо — пребацивши ми мое поносито
владанѣ спрама єдногъ сиротногъ сродника,

кои є кодъ могъ оца помоћь потраживао, ре-
као: „Шта бы на то ваша покойна майка ка-
зала!“ Ова опомена на мою майку доведе ме у
дубоко чувство, я увидимъ мое заблућенъ и
быо самъ яко тронуть и застићенъ; али се на-
еданпутъ отворише врата и мой отаць ступи
унутра разлюћенъ, и са штапомъ у руци баше
у намъренію старогъ Ћорђа тући: „Отаць, ре-
ко' я, онъ є невинъ, но ако оћешъ то удри
мене,“ и на момъ лицу видіо се изражај креп-
ке вољь. Отаць спусти штапъ доле и изиђе
наполъ, ни єдногъ словца не проговоривши. Али
Ћорђе ме погледа: „Младый господине старый
є господарь лютить“ и мени падну на па-
меть речи мое умируће майке: „Почитуйте
оца!“ я се усилимъ и отрчимъ къ оцу. Сузе
су ми стаяле у очима. Онъ ме прими своимъ
убичаєнимъ умъренимъ начиномъ; я га замо-
лимъ за опроштенъ, и изліємъ сва чувствованя
могъ срца предъ нъимъ. „Томо буди смотреніи у
твоимъ поступцыма; съ млађима незабавляй се,
нъима ты само заповедати имашъ“ и мое руке
клонуше, сузе одговара'у у моимъ очима, и у
истомъ магновеню осетіо самъ, да одважности

имаю, по моме собственомъ чувствованію радити; а не по опоримъ очинимъ савѣтима. Истина да є ово чувство самосталности текъ за єдно магновенѣ траяло; али подобни случаи, кои су се готово свакій данъ догађали, были бы ме скоро одважнимъ и чувствителнымъ човекомъ учинили; да нїе течай стварій — другчіє управію.

Шестнайсть година већъ ми є было, кадъ є у кућу мога оца Курландскій Баронъ Айденъ-баумъ наступію, нѣгова породица водила є свое порекло одъ витежкогъ реда и важію є као господаръ пространы' притяжанія и стары' замака; а особито као дипломатскій чиновникъ рускогъ двора. Чаромъ нѣговогъ светскогъ изображенія и споляшнымъ блескомъ нѣговогъ знаня обвлада баронъ моимъ оцемъ савршено. Моя сестра дала се такође сіяюћимъ свойствама нѣговымъ заслепити, као свака млада женска, којой се улагиванѣ изъ уста ласкателя допада, само кадъ овај кодъ нѣ и кодъ помодногъ света важности има. За мене буде одма баронъ Месистофиль и пожеланый пріатель; я самъ презираю нѣгове поступке и гнушаваю се нѣга; а за часъ опеть тражію самъ нѣгово дружство и слушаю охотно нѣгове савѣте. Узрокъ томе

лежао є у великомъ бароновомъ искусству и у то-
 ме, што ме є мой отаць одъ сусѣдны младића и
 свію мой вршняка удалѣна држао. Баронъ быяше
 мой пратиоць у момъ путованю по странымъ зе-
 мляма и мой нераздвоєный сапутникъ у свимъ о-
 нымъ драгоцѣнимъ тренутцима златне младости,
 кадъ душа изъ предѣла прелестногъ сиваня
 на выше диже се и мало по мало започинѣ по
 кругу зрелієгъ о себи размишляня освртати се.
 Колико су намъ пута долазила она магновеня,
 кадъ мы као у божественомъ некомъ одушев-
 леню каквогъ пріятеля са свимъ срцемъ и по-
 веренѣмъ тражимо, кадъ зовемо: „Дођи намъ у
 помоћъ съ твоимъ савѣтима!“ сретанѣ свакій,
 коме є тай позывъ притекао! И я самъ звао;
 баронъ є долазио, я самъ га примао за желѣ-
 ногъ пріятеля, изливао мою душу предъ нѣмъ
 и говоріо: „извади злато изъ нѣ“ — а онъ ю
 є сву окаляо — и съ блатомъ умазао.

Єданпутъ у Карлсѣ - баду, дознамъ, да у
 истой кући, гди смо се мы налазили, єдна сиро-
 та жена седи; нѣна єдина подпора бяше нѣна
 нећака, девойка одъ седамнайсть година, скро-
 мна, честна и пріятне споляшности. Сиротиня
 кодъ нѣи быяше велика; али кодъ све сиротинѣ

боравила є срећа ; нећака бјаше задовољна са испуњавањемъ нѣны дужностей, уйна сретна любавлю и пожертвованѣмъ нећаке. Я самъ виђао девојку често, али се нисамъ усуђивао ништа выше іой рећи, осимъ : „Добаръ данъ, добро вече, данасъ є лепо време“ и. т. д. куповао самъ одъ нѣ различите нѣне рукотворе, али никадъ ніє она тела выше узети него што су они вредили. Съ жаромъ самъ приповедао барону о добродѣтели исте девојке; онъ се сумняше о томъ и невероваше, я се наљутимъ — онъ уђути и попусти ми. Четрнајстъ дана затимъ бую є баронъ усрећеный любезникъ сироте девојке, и несретница бјаше готова, нѣга ради и свою уйну оставити. Садъ напомену ми опъ као случайно : „Томо, у твоіой глави суштествує та лепа поезія, али у свету се она неналази; за шаку жућана купіо самъ нѣну добродѣтель, и свакій, кои оће, може є купити.“ У магновеню прође ме гроза по целомъ тѣлу, али я самъ ћутао, и нисамъ се усудіо сигурность мнѣнія баронова одрицати; єръ нѣгово осниваше се на дѣлу; а мое почиваше текъ на помислу.

Другій путь упознамъ се у Бечу са єднимъ Галіянцемъ, кои є одъ честите породи-

це, али сирома и великій почитатель лепы художества быо; мою младу паметъ заузме нѣгова забава, и на скоро нѣгова личность самимъ ми се допадне. Моя кеса постане и нѣгова, шта выше, долазило є дотле, да самъ се двапутъ нѣга ради тукао.

Я самъ добро примѣтио, да баронъ мою горећу наклоность къ пріятелству у самоѣи изсмеява, премда се пред'амномъ показивао, као да є и онъ Таліановъ пріятель. После неколико дана позайми Таліянацъ одъ мене нешто новаца, позове мене и барона за оно вече къ себи, опіє насъ и однесе ми три иляде дуката на карте. При томъ покаже тако мало повереня къ мени, да самъ принуђенъ быо куѣи послати и сумму донети. Овай начинъ поступаня увреди ме, я му исплатимъ сумму и потражимъ га; али є зоромъ већъ быо Таліянацъ крадомъ одпутовао; а баронъ ми примѣти: „Многи бы на нѣговомъ месту исто тако урадили.“ За овай путъ не кривимъ барона нимало, али изгубимъ свако поверенъ у пріятельство.

У то време развіє се у мени мало по мало любовь къ Отечеству и некій начинъ

высокопочитанія справъ Наполеона. Баронъ о-
добри и єдно и друго; али ме водіо у такова
дружства, гди є мени гордость Наполеонова у
нѣговой голой фигури показивана и несрећа
Польске очевидномъ постала, ако се она съ
нѣиме саюзи. Я приповедамъ вама ове поєди-
ности само зато, да вамъ покажемъ, како су
наилепша чувствованя могъ срца єдно за дру-
гимъ изумирала, и како самъ чрезъ то, што
самъ се моимъ сновима руководити давао, сва-
когъ верованя а съ тимъ и сваке независимо-
сти лишіо се; немадо выше повереня къ мо-
имъ мислима и нисамъ се выше усућивао моя
чувствованя изявити, а іоштъ манъ истима у
момъ срцу место за упливъ начинити. У моіой
18.стой години быо самъ подпуный помодаръ,
права лутка; у тренутцыма усамлѣногъ разми-
шляня, кадъ є поезія душу мою услаћивала,
презирао самъ барона и нисамъ му завидіо за
нѣгова знаня и искусства; али чимъ самъ у друж-
беный животъ ступао, тражіо самъ одма Ба-
рона, и нѣгови савѣти руководили су мене као
ловачко уже послушно псето. Гласъ о момъ
повратку изъ стране землѣ разнео се одма по

свой околни, све младе девојке гореле су любопытством видети ме, и њови родители желили су и чезнули мене као госта у њиной кући угледати. И заръ нисамъ любопытна персонна быо? вратио самъ се изъ страны земаля, быо самъ наслѣдникъ 7 села, и знатногъ иманя у Звечећемъ новцу. Графица Ђедужицка, близка рођака мое майке и њна єдина пріятельница, коя са моимъ оцемъ ніе башъ у наибольой любви живила, не пропусти првый коракъ къ поравнаню съ нашомъ породицомъ учинити, и науми на имень данъ мога оца єдну сѣйну часть дати и мене истомъ приликомъ любопытной околни показати. Я признаємъ, овай догађай позове ми године детинства, приведе ликъ мое майке на память; и у разговору показивао самъ то чувствованъ срца ясно и очевидно. Баронъ примѣти то и проговори као негодуюћи къ мени „госпоѣ Ђедужицка има две за удаю кћери, господинъ Тома Язловѣцкій свуда є пожеланный зеть, сродство нечини жендоби никакова препятствія, за новаць може се лако разрешеніе добити. О, и коя мати небы за тако лепу надежду радо сваку увреду забо-

равила, и съ найвећимъ непріятельмъ помирила се!“ я самъ се научіо овакове разговоре баронове као пророчества сматрати; обмане, коє самъ искусіо, начиниле су жалостной истини место, да у овомъ свету све изъ себичности быва, а никадъ племенито чувство люде не руководи. Я самъ дакле сео на коня и отишао на ту часть не као сынъ Язловѣцковице къ нѣной единой пріятельниці на овомъ свету, већъ као на гласу помоданъ човека къ графниці, коя є две одрастле кѣри имала. Отаць и сестра одпутовали су пре подне, я и баронъ дођемо текъ предъ вече. Я самъ тада већъ имао црвену униформу Малтезску, и заборавіо самъ вамъ управо рећи, да самъ іоштъ у шестой моіой години већъ кавалеромъ малтезскогъ реда постао. Я самъ већъ ону вештину себи набавіо, како се у великомъ свету окретати валя; осимъ тога напуніо ми є быо баронъ целимъ путемъ уши говоромъ и савѣтима, да у єдномъ прнявору мало говорити и никако играти нетреба, или єдва найпосле при концу веселя; него напротивъ треба се єднако чинити, као да намъ є време дуго, да смо рассеяни,

и да таково прняворско дружество за насъ ништа ніє. Кадъ смо мы приспѣли, већъ є игра-нѣ започело. После поздрава, представляня и целе остале поворке подобны церемонія укочимъ се и станемъ као кипъ кодъ дувара, о-смейкивао самъ се тамо и амо на све стране презрително, одговарао самъ французки оныма, кои су ме запиткивали, и шапутао самъ баро-ну коекаква моя примѣчанія на уво. Изъ очію могъ оца читао самъ да є самномъ задоволянъ а иза мои' леђа' слушао самъ често говорити: „Какавъ красанъ човекъ овай младый Язловѣц-кій.“ — На то приступи госпоя ђедужицка къ мени и проговори ми съ обичномъ нѣномъ до-бротомъ: „Како самъ я сретна господина То-му видити, вы ме живо опоминѣте на вашу майку!“ я самъ быо управо у наиболѣмъ раз-положеню за такова опоминяня, срце мое ра-достно є предусретало достойну госпою, ликъ мое майке створи се живъ предъ моимъ очима; као дете хтедо се у наручѣ грофици бацити, да съ нѣоме о блаженнымъ онымъ прошавшимъ временима проговоримъ; али грофицу позове дужность домаћице одъ мене и она полазећи

замоли ме да играмъ. Я чудновато створенъ, пуно желя и опеть безъ волю, да бы ю задоволюю, осећао самъ, како е усамљеностъ мода сасвимъ изъ могъ помисла нестаяла; и быо самъ већъ у намъренію едну одъ кућни господичній за игру замолити, кадъ за моимъ ле҃ма слѣдуюћій разговоръ млада людій говорити чуемъ. „У црвено се обукла као ракъ и нико е неузима да съ нъоме игра.“

„Да богме, ніе негъ іоштъ нешто, она нема ни едне пребіене паре.“

„Самъ восакъ и свећа по целой альини.“

„Богъ светый зна како е она овамо дошла.“

„Нѣнъ отаць, говори се, быо е Прапорчикъ подъ Кошћускимъ.“

„Видишь ты — големы стварій“

„Али што дае грофица такимъ фигурама приступа у кућу.“

„О нъой бы се могло казати: „Седи гльиво докъ те ко съ места неузбере.“

„За любезницу — нећу казати — али за жену, неможе е честить човекъ требати.“

Тай разговоръ доведе ме у лютину, наука мое майке: „люби твогъ ближнѣгъ!“ оживотвори

моє срце, нечастивый мой духъ, баронъ, не бы-
 яше близу мене, я се обазремъ по сали и у-
 гледамъ у єдномъ углю девайчицу у црвеной
 альини, коя є до єдне у година' госпе седила;
 нѣно лице нисамъ могао видити; дали є пакъ
 она сама и съ намѣромъ онай мрачный ѱошакъ
 изабрала; или се светлость, коя се само людій
 одъ света придржава, одъ нѣи удалила — ни
 самъ могао то знати.

Садъ викнуше свирачима: „валцеръ“ я
 одгурамъ люде одъ себе, превалимъ неколико
 столица, запнемъ за машліє неки господичній,
 коє су већъ у пола поустаяле мислећи: я ћу ий
 на игру позвати и станемъ найпосле збунѣнъ и
 у великомъ волненію предъ црвену альину. За-
 молимъ за валцеръ, она се дигне, я є у'ватимъ
 за руку и одведемъ у коло играча. Садъ нити
 самъ шта выше чуо ни видіо шта се око мене
 догађало, моє очи остале су укочене на мою
 играчицу; какве красне очи и као драгій ка-
 менъ светлиле су сладкомъ небесномъ диво-
 томъ; црне обрве виле су се као дуга и ка-
 диѳа око очію; а трепавице, ова завѣса дѣви-

ческе стидљивости, покривале су нагу лепоту ока; бледа румень светлила є по млечнымъ нѣнымъ образима. Нѣнъ осмеякъ очаравао є милокрвносћу; стась, вратъ, рука, нога, раме — све то быаше за удивленіє; коса, блистаюћа као златный ланъ, падала є у коврчицама и миловала се съ гладкимъ образчићима—она є была анђео! и садъ іоштъ стои ми предъ очима она црвена альина и свака бела пантљика нѣны машлія и бела шмизла на прсима и чешљићи у нѣной коси. Я се опоминѣмъ сваке власи нѣны коврчица и сећамъ свега тога као єдине милине срца могъ. У валцеру гледао самъ іой окомъ у око, мое устне сисале су нѣно дисанѣ, моя рука осећала є куцанѣ нѣногъ срца, држао самъ виткій нѣзинѣ стась у пола обуваћенѣ; нѣна альина лепршала се по моимъ коленима, а мала іой ножица дрктила є у полету преко мой' ногу; гледао самъ іой растећу румень на лицу, дизанѣ и спуштанѣ нѣны' грудій, витка као врбе пруть; лака као цветный мирисъ, хитра као пастрмка, єдва самъ осећао нѣну руку на моме рамену; чинило ми се као да се окрећемъ по небесномъ своду у ви'орномъ некомъ кругу са

єднимъ анђеломъ у обятію или съ некомъ воздушномъ волшебницомъ; и само зуянъ свирке быяше у моимъ ушима хармонична арія небесны существа. О, тако бы волео играти целый мой векъ крозь столѣтія!

Свирка ућути, игранъ се сврши а іоштъ е стаяла моя играчица предъ очима мое душе, и мой е помисао играо съ ньоме. Изъ овогъ любовногъ сна пробуди ме баронъ: „любезный мой, вашъ отаць тео е готово умрети одъ стида, него самъ я казао старцу тако е мода и — онъ е томе поверовао и садъ преповеда свима чудновате обичае саданъ моде.“ Я благодаримъ барону, стиснемъ му руку за овай путь сердачно и искрено; и отрчимъ црвену альину за мазуръ умолити. Я самъ єдва быо у станю неколицину млады людій претећи, кои су съ истомъ молбомъ тамо итали; црвена альина дође наєданпуть у моду и млади люди говорили су єданъ другоме.

„Млады Язловѣцкій, кавалеръ малтезскогъ ордена, кои е скоро изъ страны земаля дошао,

првый є съ ньоме играо.“

„Старый Язловѣцкій и баронъ потврѣую, да є така мода.“

„И мы морамо съ ньоме играти, єрь є така мода; у осталомъ она є єдна прикладна девоичица!“

„Шта ты брбляшь, прикладна — она є савимъ лепа девойка.“

„И како окретна!“

„И како се обходити зна.“

„Нѣнь се отаць за отечество яко заслужнымъ учинію.“

„Говори се: има богатога уака безъ породице у Варшави. Та, госпоя гравица зна добро какве ће она люде у свое дружство примити.“

Госпоє и Господичне, грдиле су ме може бити у срцу, али се ни єдна ніє смела усудити, мени то на нѣномъ лицу читати, или съ єдномъ речи познати дати; єрь є была тако мода. Лагано шапутале су єдна другой: „Чудновата є то мода,“ но свака є очекивала съ горећомъ чезньомъ докъ редъ моде и на ню доспео буде

У мазуру започнемъ разговоръ съ нѣомъ. Каква разборитость, каква благодать, какво невино оштроуміе и какво срдечно и искрено чувство у нѣной забави! я и опеть кажемъ она є была правый анѣео, у облику човечіемъ. У нѣнимъ речма лежала є така привлачеѣа сила безъ свакогъ претериваня и аѣектація, да самъ за' кратко време осетіо себе као старимъ нѣнимъ познаникомъ; како самъ я радъ быо дознати за нѣно име и нѣно обиталиште; али се нисамъ усудити смео ню о томе запытати. Бояо самъ се да ю съ неприятне стране неувредимъ, єрь разговоръ млады' людій, кои самъ предъ валцеромъ слушао, звоніо є іоштъ єднако у моимъ ушима. После мазура дознамъ одъ єдногъ могъ добро познатогъ човека да се она зове Паулина Загорска и кѣи є госпоє Загорске, коє є супругъ пре неколико година одъ задобивены кодъ Чекочина рана' умро, и обитава у Ямполу гди нѣна майка єданъ малый маюръ, три крешѣана и неколико ютара' землѣ притяжава. Нѣна породица састояла се изъ нѣ, єдне старіє болешльиве сестре и єдногъ брата, кои є у польской легіи служію. Нѣнъ отаць Прапорчикъ Загорскій служію є у Конфедераціи

барской, а у войсци Тадіє Кошћускогъ подь
 єдномъ заставомъ са почившимъ ђедужицкимъ.
 Одъ туда є и была госпоя ђедужицка у не-
 чемъ и покровителька ове осироћене породи-
 це. Пошто се о овомъ извѣстимъ, предстанемъ
 госпоій Загорской и замолимъ є, да ми дозволи
 мое почитанъ у нѣной кући указати. Почитаєма
 госпа одговори врло учтиво на мое поискава-
 нѣ ; я примѣтимъ на нѣномъ лицу, да самъ
 покрай благодарности за оно ласканъ, кое самъ
 нѣной гордости съ моимъ поведєніємъ справъ
 нѣне кѣри принео, у нѣномъ срцу заєдно и не-
 кій стра' пробудіо ; премда све те учтивости
 младога племића, кои по мнѣнію сиротніє класе
 благородника' управо ніє башъ найстрожіи пре-
 гледъ нравственности быти могао, нису и не-
 мораю быти само какве мреже, да сироту, аль
 добродѣтелну девојку у исте уплету.

Осталу часть ноћи проведемъ узбунѣнъ,
 сневеселявало ме є, кадъ самъ Паулину съ кимъ
 другимъ играти видіо. Туга ми є спопадала ду-
 шу, кадъ лєпу руку играчице нисамъ моіомъ
 држао, и у првый ма' доводила ме є слепа лю-

тина дотле, да на дрзкогъ играча нападнемъ што є се усудио ню на игру позвати; али опетъ затымъ нестаяла є жалость и лотина, чимъ є редъ на мене долазю, да с' Паулиномъ играмъ. Я самъ быо радостанъ, весео и срећанъ. Кадъ се є дружество разилазило, пратио самъ Паулину и нѣну майку до кола, заогртао самъ Паулину бундомъ, молио самъ є склоплѣнимъ рукама: да се чува одъ ладноће ютренѣгъ воздуха; на кратко, быо самъ тако у бриги за нѣомъ, као да є већъ моя была. Сто пута препоручивао самъ се нѣой, дуго и дуго бацао самъ погледе за простымъ колима, коя су три измршавлѣна коня вукла; ерѣ у тимъ колима налазила се волшебница, коє появленѣ у погледима мои' очю, у погледима мое душе грануло є было.

Я немамъ речій изразити се, каква є осећаня погледъ Паулининъ у мени произвео; ни пуны' 18 година' ни є ми было тада, мое уображенѣ горело є пламеномъ млаћане душе, и мое срце осећало є потребу любити и люблѣно быти. Одъ тогъ вечера любю самъ Паулину као што є икакавъ смртный кадгодъ любити могао;

ноу саяо самъ о нъой, даню стаяо є нѣнѣ обликъ предъ моіомъ душою. Шале баронове, задиркиваюће речи моє сестре и често смуѣно ѣутанѣ мога оца, ніє было у станю овай мой жаръ утолити; шта выше служило ми є на то, да чувствованя могъ срца іоштѣ веѣма разпали.

После неколико дана' одящимъ у Ямполь, разуме се управо къ госпоѣи Загорской. Силно ми є срце куцало кадъ самъ у варошь ступію; и кадъ самъ се скромномъ месту приближію, было ми є на єданпутъ часъ добро, часъ ружно, часъ милина, часъ опетъ стра'. Я се не опоминѣмъ шта самъ при улазку проговорію; само толико знамъ, да нисамъ оно казао, што самъ на путу смислію быо. Госпоѣа Загорска прими ме любезно али съ достоинствомъ, не са онакомъ итнѣомъ, съ каквомъ обично раде матере, кадъ кѣри за удаю имаю. У куѣи было є просто безъ раскошногъ великолѣпія; али све съ вкусомъ и врло чисто и уредно намештено. На скоро изиѣе и Паулина у єдной ланеной альини. украшена нѣнимъ веселимъ заруменѣнымъ лицемъ, и

блистаюћимъ окомъ ; она ми се учини онако исто лепа као што е и на части Графичиной была, а може быти јошть и лепша : ерѣ мое очи откривале су свакогъ часа нове дражести на нѣной ; у првомъ магновенію показа се у разговору нашемъ нека боязљива стидљивость и устручаванѣ ; али на скоро нестаде свега тога, као оне беличастѣ пролетнѣ магле предъ златнимъ появомъ сунца, кадъ се ово полагаю све выше и выше на небесный сводъ пенѣ. Мы се нисмо забавляли, као што се оно са помоднымъ господичнама забавля, съ коима се о свачемъ говори и опеть наипосле ништа некаже ; разговоръ съ Паулиномъ прелазіо е изъ ништа на много шта. Какво неизцрпимо богатство поетичны чувствованя у нѣной души ! О, како блажено протекао ми е овай данѣ ! одъ времена дѣтиньства могъ, одъ дана смрти мое майке, ни самъ знао ни за еданѣ данѣ, у комъ самъ толико срећанѣ быо ! Све е было добро, очараваюће, красно : ерѣ Паулина е была ту. Са залюбљенымъ срцемъ быо самъ дошао, съ пламтећомъ страстѣю одпутовао самъ кући.

Садъ започне за мене новъ животъ ; рай любви отвори се предъ моимъ очима. Я самъ любіо ; али Паулина была е само пріятельски справъ мене разположена, и ова неизвѣстность дали самъ люблѣнь быо или не, удвостручи мою ревность, оснажи ми волю и ослободи ме у нечемъ одъ ѣаволскогъ обвладаня бароновогъ. Я самъ непрестано на коню ищао у Ямполь ; мой отаць ніе ме ни еданцуть упытао : Шта я тамо радимъ. Онъ се е занимао само са предстоєћомъ удаіомъ мое сестре за барона и спреманъ за мой одлазакъ у Петроградъ, гди ѣу я себи званіе и одличія ; а притомъ, као што се онъ надао, и супругу набавити. Я вамъ неѣу све поєдине маленкости любовне набраяти, коє врло велику вагу у очима залоблѣнымаю и опеть за то тако су смешне за оне кои то гледаю, као годъ и за оне, кои о томъ говорити слушаю. Паулина е с'єдинявала съ тѣлесномъ лепотомъ и лепоту душе: она е была єдина подпора нѣне старе майке, утѣха и анѣохранитель нѣне болестне сестре Флене : слуге су е любиле, сироте благосиляле нѣно име. Она е была ти'а, кротка, добродѣтелна. Колико

самъ пута самъ у себи помислю : Така є была моя покойна майка. Миліонъ пута полюбю самъ іой руку , миліонъ пута говорю , да є любимъ , почитуємъ , обожавамъ , докъ нисамъ напоследку готово силомъ речъ іой изъ уста' изтр'го : „И я тебе любимъ!“ О , садъ се ніє могла срећа моя выше поняти , ни выше у свой нѣной дубини разумети ; я сумнямъ , да є таку срећу и сама душа на небу у станю осетити. Неосетно стисне ме за прсти нѣномъ ручицомъ ; како сладко , како мило бѣше ми и мы закунемо єдно другоме Богомъ , сенкомъ мое майке и нѣногъ оца вечиту любовь , вечиту вѣрность. Одъ тога дана быо є за мене светъ тако лепъ , люди тако добри сасвимъ любви достойни ; єрь Паулинина любовь позлаћивала є све , што самъ годъ очима гледао. Оберучке мислю самъ срећу и благо сеяти међу люде и сва створеня — и опетъ ми ніє моя срећа за дуго траяла.

Могъ живота нећу заборавити. Было є єдногъ дана Октомвра месеца ; крозь два дана 'тела є свадьба мое сестре съ барономъ быти ; изъ ютра дуваше ладанъ сѣверный ветаръ ; я

узmemъ мое кишно япунце, узяшимъ на могъ вранца и кренемъ се самъ безъ пратиоца осимъ могъ рићегъ хрта Долота на путь у Ямполь. Целимъ путемъ летили су ми црни гавранови преко главе; мой конь, премда бадаръ и здравы' ногу', посрђивао є неколико пута на равномъ путу и небрзаше са ономъ брзиномъ тамо, као што є иначе свагда обичай имао.

Я наћемъ госпою Загорску саму; мое прво пытанъ было є за Паулину; она ми одговори: „Паулина є на неколико дана одпуто вала“ а мало затимъ рече ми одкричено, али постоянно: „Господине Язловѣцкій! вы знате да самъ я вами наклонѣна и после мое деце заиста никаквомъ човеку на земљи выше добра нежелимъ, него вама; не роћенъ, єрь мой мужъ такође было є племићъ, него имућно станъ и саданъ важно место ваше породице поставляю необориму стѣну између васъ и мое кћери. Вашъ отаць никадъ и ни довека неће дати свое саизволенъ къ таковой єдной свези; я знамъ да вы єдно друго любите, али тай саюзъ мора се прекинути. Вы ће те наћи утѣхе у великомъ

свѣту и вашимъ забавама; а моя кѣи олакшанѣ нѣне туге у испуњаваню дужностейъ спрамъ Бога, спрамъ мене.“ — Я скочимъ на ноге. „Мой отаць даће саизволенѣ, мора га дати; я ћу быти Паулининѣ супругъ; быћу вашъ зеть.“ Она ништа неодговори него се осмене жалостно и тужно као лѣкаръ, кадъ умирућемъ єктичавцу јоштъ надежде дає. Кадъ самъ се кући вратио, онда текъ увидимъ првый путъ сваку немогућность волю оца могъ савити; али я неизгубимъ надежду, и као свакій залюблѣнъ младићъ говоріо самъ съ пунимъ повѣренѣмъ себи самомъ: „Све ће то за рукомъ ићи.“

Садъ самъ тражіо прилику съ моимъ отцемъ говорити, али є нисамъ могао наћи, или нисамъ се усућивао наћи; и премда є любовь къ Паулини съ дана на данъ све већма растла, опеть зато свагда ме є стра' было почети о томе разговоръ съ моимъ оцемъ. Данъ свадбе проће за мене тужанъ и невесео; неколико пута помисліо самъ у себи; скоро ће и мене тако свештенчкъ съ Паулиномъ сачетати, и брзимъ корацыма 'одао самъ по моіой соби одъ єдногъ

края до другога и изговарао нѣно име: старый Ћорђе чуе ово, што самъ я говорио, у пред-
нѣой соби. Онъ уђе унутра, ухвати се по
свомъ начину за косу, метне леву руку на
слабину и стави десну ногу напредъ: „Да бог-
ме, сирота господична Паулина, добра стара
госпа!“ — Я се уплашимъ.

„Ћорђе шта є теби? шта є было съ Пау-
линомъ?“

„Младый су господинъ криви свему томъ!“

„Како то? говори яснѣ!“

„Да! люди говоре младый господинъ теби
су ню за любезницу имати, а не за супругу.“

„Како то? Шта ће то рећи?“

„Да младый господинъ ни найманъ немисле,
съ нѣомъ кадъ годъ венчати се, и нѣой само
новце даю, да васъ она любви.“

Я савъ поцрвенимъ одъ еда и лютине. —

„Какови су то люди? покажи ми ѿ, па да
оговараче казимъ!“

„То бы се морали многи казнити ; еръ сви готово тако говоре.“

„И ты ѱорђе пушташь ій тако говорити?“

„Я самъ имъ говоріо : младый є господинъ поштенъ и честанъ човекъ, а господична Паулина тако смирена и добродѣтелна као наша покойна милостива госпођа ; али люди неће никако то да верую , да єданъ младъ племићъ добродѣтеланъ быти може , и да єдна сирота девойка небы све учинила за новце.“

„Я ѱу є узети!“

„Нека бы Богъ дао ! али я незнамъ дали ће милостивый господинъ то допустити , и старый слуга ма'аше главомъ и слегаше раменима. Целу ноћь останемъ несвученъ и мучіо самъ и кивью себе самогъ ; размишляваюћи све єднако шта ѱу оцу казати, и тако саставимъ у себи єдно сасвимъ чувствително и троняваюће слово. Текъ што самъ чуо, да є отаць устао, таки отидемъ къ нѣму у собу. Чимъ є бледило на момъ лицу и сузе у моимъ очима спазіо и мене іошть у гали обучена угледао; обузме га стра и брига. — „ Томо, шта є теби ?“

Я му полюбимъ руку и заборавимъ на смишльно слово.

„Почитаемый отаць, я ћу да се женимъ!“

„Съ коіомъ?“

„Съ Паулиномъ Загорскомъ.“

Мой отаць скочи горе са столице: — „Еданъ Язловѣцкій съ єдномъ Загорскомъ?!“ — и лютина севне му у очима; али ова лютина поврати ми сву мою одважность натрагъ.

„Язловѣцки ништа нису больи одъ Загорскій; отаць господичне Загорске быо є свуда уважаванъ и почитованъ!“

Отаць мой бяше часъ бледъ, часъ као ватра црвень: „Пре ћешъ ме у гробъ свалити, него што ћу я на тай бракъ саизволити.“

Я ступимъ єданъ коракъ напредъ: „Отаць я те молимъ саизволи на то, єрь я самъ се заклео и заклиньмъ се садъ опеть, „Тома Язловѣцкій бы' ће супругъ Паулине Загорске!“ И хтедо га за руку ухватити и предъ нѣга на колена пасти. Онъ ме одгурне одъ себе: — „Из-

опаченый сыне! одлази изпредъ мой очію!“ и спусти се на свою столицу. Я се удалымъ и повторимъ постояннымъ гласомъ: „Я ѣу ню узети.“

После неколико сатій дође ми баронъ, садъ већъ мой зеть, полюби ме, притисне къ срцу и стане ми казивати не, како є онъ самъ срећанъ, него како є то лепо любезницу за новце имати: „То є найпробитачній начинъ женити се, „говорію є онъ“ ако є госпа хрђава, онда може се она оставити безъ свакогъ околиченя и наћи себи друга; чуй Томо, нашто текъ оца само у лютину доводити, кою иляду дуката — и стварь є свршена. Господична Загорска твоя є, я узимамъ ту стварь на себе; и отаць се неће имати шта лютити.“

Разяренъ скочимъ: „гнусный деране!“ и изгурамъ га на врата наполь; я бы му и главу разцопао быо, само случай є другчіе донео. Предъ врати настави онъ: „Господинъ Томо умири се; я самъ готовъ свакогъ часа на твое заповести!“ Нисамъ га даль гонію, єрь самъ га презирао; и за овай паръ нисамъ се каяо за мой

поступакъ; еръ одъ тада самъ независанъ и самосталанъ постао.

Отаць избегаваше свакій разговоръ самномъ; Паулину нисамъ могао выше видети, моя сестра отискивала ме є съ нѣнимъ злбнимъ примѣчаніяма; а баронъ слегао є раменима и показывао ми притворно сажаленѣ, увераваюћи ме притворнимъ осмейкиванѣмъ о своемъ пріятельству. Я самъ му већъ то са увредомъ платіо, а одъ садъ самъ му презреніемъ плаћао. У той намѣри и надежди, да ћу чрезъ време и мое постоянство супротивленѣ отчино победити, писао самъ Паулини и нѣной майки, давши имъ повторително мою речъ, да ћу мило ми суштество за супругу узети и — одящимъ у Одесу.

При дугомъ и досадномъ времену, коє самъ и у овой лепой вароши осећати морао, упознамъ се съ княземъ Абасъ-Исмаиломъ, рођенимъ Кабардіянцемъ, кои є као офицеръ у руской служби быо. Брзо се допадне мени овай полуизображенный Черкезъ и мы єданъ другогъ заволемо. Я самъ нѣму преповедао о моіой любви, описивао Паулину, нѣне дражести, нѣ-

не добродѣтели и онъ ме радо слушаше; онъ опеть говоріо є мени о своемъ отечеству, о планинама кавказкимъ и нѣовымъ чудесностима, и я самъ нѣга слушао. Другога кадъ приповеда слушати, значи нѣгову наклоность придобывати; а радо слушати и іоштъ лицемъ и чертама изявльивати, да намъ онъ наше срце дира, да мы нѣгове речи чувствуємо, то є найсигурніи начинъ, твердо пріятельство съ кимъ скопчати: Черезъ дакле и я постанемо пріатели.

После четири неделъ могъ задржаваня у Одеси примимъ писмо одъ сестре, да є отаць яко болестанъ. Она ми є писала: „Твое тврдоглавство и твоя несмысленость; свалиће нашего доброгъ оца у гробъ.“ —

Праштаюћи се съ моимъ добримъ пріателѣмъ закунемо се єданъ другомъ вечитымъ пріятельствомъ, и я одпутуємъ кући. Али кадъ самъ дошао; већъ є было то доцканъ. Мой отаць ніє было выше живъ. На петъ дана предъ мой долазакъ преминуо є было и нѣгова последня воля за мене, последнѣ речи нѣговогъ издисаня за удалъногъ сына, были су:

„Проклетъ да є Тома, ако онъ нѣговымъ бракомъ лягу на племе Язловѣцково баца.“ Сестра и зетъ показали су се прекомѣрно искрени спрамъ мене. Отаць є на самртной постельи за мою сестру у готовомъ новцу миразь опредѣлю съ тимъ изричнимъ условіємъ, да се истый пре неисплати, докъ небы баронъ, овомъ миразу саодговараюће иманъ, достаточно показао; будући пакъ да баронъ одъ оны села и дворова у Курландіи ништа ни притяжавао ніє, то смо мы сви трое заєдно живили. Я наћемъ Паулину онако лепу, онако добру и са истомъ любви къ мени одату као и пре, и тако ніє было выше никакве препоне къ нашемъ браку; мы смо чекали само да време ожаленя прође. Моя сестра показывала є велико пріятельство къ мени, и баронъ є похвальивао свакій данъ ову нѣну одданость и радовао се о моіой предстоєћой срећи; а я — я нисамъ живіо у надежди него у извѣстности, да ћу се на врѣ мое среће попети.

То є было првы дана месеца Септембра 1813те. године. Већъ явно и за цело разпрости-

рао се гласъ, како война између Русіе и Француске никако іоштъ свршена ніє; наша младежь оставляла є потайно землю и итала къ военнымъ четама княжества варшавскогъ. Морамъ признати, премда то мени на честь неслужи, да самъ при свой любви, кою самъ за мое отечество осећао, іоштъ одавно научіо се слушати „Польска неможе одъ Французке ништа изчекивати, осимъ несрећу; смутню и пропасть;“ дакле осећао самъ се яко коснутъ и опечальнъ збогъ тога пуногъ несреће рата, збогъ оружаня одъ стране мой' земляка, и нисамъ ни нашто друго мисліо осимъ на мое венчанъ. Искренъ, протодушанъ а притомъ садъ и независанъ, — нисамъ таю ни одъ когъ ово мнѣніе мои разлогта; сестра и зетъ разпростирали су мое мнѣніе съ нагвећомъ брзиномъ по целой околни и увеличавали, као што самъ доцніе дознао, мое противленъ къ войны и мою равнодушность за користъ отечества. Паулина трудила се мое мнѣніе оборити и то є давало повода честимъ препиркама и любовнимъ праштаняма; она ме є за невина држала и потврђивала то предъ людма, еръ є она видила, да, ако є мое пресуђиванъ и оштро было, да

самъ опеть срце имао пуно любви къ отече-
ству. Млади обличнѣи люди поступали су са-
мноу равнодушно, шта выше и ладнокрвно
и имали су свакадъ неке тайне одъ мене кри-
ти; премда я и садъ іоштъ причиноу могъ о-
ца никадъ съ нѣима великоу обхоѣеня нисамъ
имао, опеть было ми є ово равнодушїє, кое се
свуда спрямъ мене показывало, неприятно, шта
выше за мене и тяжело; у тайне пакъ нисамъ се тео
съ нѣима упуштати. єрь самъ їй презирао. Упра-
во у то време показа се кодъ граѣце Ѣеду-
жицке єданъ младъ человекъ, прикладноу стаса
и врло прїятне споляшнѣости; онъ се звао
Владиславъ Боски. Сви нѣгови поступци были
су тайни и скривени, особито предамноу. Па-
улина ишла є често кодъ госпоє Ѣедужицке
слѣдователно ишао самъ и я. Овай Владиславъ
поступао є самноу съ неизмѣрноу гордостѣу
и мешао є са истомъ и некїй начинъ презренїя.
Момъ зету напротивъ было є прекомѣрно єб-
везанъ и поверителанъ. Неколько веѣъ пута
догаѣало се, да самъ са овимъ тайне пуни-
мъ и за мене несноснимъ человекомъ у распру до-
лазіо и готовъ было, стваръ пра'омъ и оловомъ

окончати; и Паулина коя є безъ свакогъ дальгъ пропытиваня ову мою рѣшительность примѣтила, могла ме само клечеѣи одъ тогъ одвратити. Врло лако толковао самъ себи тай начинъ поступаня; єрь самъ познавао нѣно жарко отечестволюбіє и знао, да є овай Владиславъ тайный посланикъ єдиномыслеѣегъ дружства изъ княжества варшавскогъ.

Моя сестра показивала ми є съ дана на дань после смрти оца све веѣу и веѣу наклоность; єдань дань приступи она къ мени и ухвати ме за руку; сузе су стаяле у нѣнимъ очима: „Ахъ Томо, ядный брате мой.“

„Зашто ядань любезна сестро?“

„Я ти несмемъ твою несреѣу казати.“

„Говори, шта є, држе ме вальда за хрѣавогъ Поляка?“

„О, то не!“

„Или є господинъ Владиславъ шта о мени говоріо?“

„О, не управо Господинъ Владиславъ“ па онда ућути.

„Говори за волю божію.“

„Кадъ оћешъ Господинъ Владиславъ воле Паулину.“

„Па шта се имашъ ту чудити? Паулина є тако лепа, тако добра.“

„Али и Паулина воле Г. Владислава.“

„Ніє могуће!“ као громомъ пораженъ ђипимъ и ишао самъ као бесомучанъ по соби горе доле. „Клевета! превара! немогуће!“ — Я се обнесвестимъ и бацимъ на софу; сестра седне до мене, любећи ме и обасипајући милованѣмъ.

„Умири се, Томо, ты си самъ то захтевао, кадъ се небы твоє будућности тицало, я ты небы ни словца прословила!“

„Шта? повичемъ я“ „ты остаєшь при твоємъ потврђиваню? А можешъ ли ты мене уверити?“

„Могу, али обећай ми се, да нећешъ никакву ларму у кући господє Ђедужицке правити.“

„Я ти се обећавамъ.“

„Заклинъшь ли ми се любавлю наше майке?“

„Я ти се заклинъмъ любавлю наше майке; чини самномъ шта оћешъ, само ме увери!“

Жалостно ма'аше она главомъ: „Я ћу те уверити, еръ одъ тогъ зависи твоя срећа, твоя будућа судба; почекай само мало овде!“ и она изађе напољ.

О, вы неможете себи представити; шта се у овомъ магновеню самномъ догаћало; любовревнивость трошила ме е са жаромъ пакленымъ. Стыдъ натеривала ми е крвь на лице кадъ самъ ню, анђела могъ срца, осуђивао. Самолюбіе мучаше ме помисломъ толике увреде, и благородство душе мое каляло се неповѣренъмъ. Опетъ на еданпутъ дође ми сенка надежде у помоћ шапутаюћи ми на уво. „То ніе ништа истина.“ Я самъ се колебао единако, да ли да се уверимъ, или да сваку сумню, као мене недостойну, са срца могъ одбацимъ; аль садъ ступи моя сестра унутра: „Диг' се, и оди! но

опеть те јоштъ еданпутъ заклинѣмъ споменомъ наше майке, неправи никакве ларме у кући.“

Я устанемъ и пођемъ за нѣомъ. О, никакавъ преступникъ, на смртъ осуђеный, неможе съ такимъ стра'омъ, съ такомъ мукомъ на губи-лиште или мученѣ ићи, као што самъ я садъ мое срце на место мученія водіо; држао самъ се за альину мое сестре круто, као што осуђеникъ вата се за альину дуовника, као о альину свогъ губителя; она ми рукомъ мане, мы смо морали лагано на прстима ићи; кадъ смо на послѣдку до врата дошли, гди є господинъ Владиславъ обитавао, бацимъ око крозъ ключаницу. Господинъ Владиславъ сеђаше на столици, Паулина край нѣга; онъ є любляше и играше се съ нѣномъ плавомъ косомъ. Мени се мракъ на очи навуче; будемъ изванъ себе, хтео самъ врата разлупати, продеремъ се и паднемъ на подъ. Као иза сна чуемъ врата отвари се и гласъ истога Владислава: „Ха то є непоштенѣ, кое неваляо Полякъ, тай може и Шпіонъ быти!“—Я се подигнемъ горе. Владиславъ изађе напољ и новиче: „Паулина! збогомъ“ — И све уђути.

Я хтедо за њимъ убити га: — Али є неверница стаяла преданомъ. „Томо“ я є одтуримъ одъ себе; „одлази одъ мене издайнице!“ У истый ма' дођоше сестра и зеть; моя сестра одведе Паулину чисто силомъ у другу собу. Ова є плакала и повтаравала све єцаюћи: „Томо, Томо!“

Збунѣнь бацимъ се барону у наручія и кадъ къ себи дођемъ, пустимъ изъ очаянія гласно неко сатанино одъ себе смеянѣ и повичемъ: „Айдъ, мы морамо тогъ Владислава тражити,“ — и мой зеть проговори: „да како, айдъ, моя сукола готова! Катарина нека у твоима за нама дође.“ Безъ опраштаня одпутуємо; я самъ имао уверенѣ о издайству мое любезне, шта ту треба выше? „Неверница!“ опеть страшио самъ се ню псовати, осећаюћи да є страстніе любимъ него икадъ пре. На путу текъ приповедаше ми баронъ: „мы ћемо Господина Боску бадава тражити, єрь садъ намъ се онъ неће дати видити и настави овако:“ мой Томо, ты знашь, како су ове Полькинѣ све као луде за њино отечество; ты нећешъ да будешъ уча-

стникъ у овомъ рату и имашъ за то право, о-
вай господинъ Владиславъ офицеръ є, као што
се говори у Польской войсци: ніє чудо, да
Паулина, тако млада тако страстне фантазіє и
такo непостояногъ срца наклоность къ витеж-
комъ господину Владиславу осећа! жене любе
и уважаваю врло радо храбре юнаке Я самъ
Курландезъ не Полякъ, и опеть, ко зна, нећу ли
и я у польску войску ићи, ако Наполеонъ на-
шу границу прекорачи: И Катарина є Польки-
ня, а те ваше Полькинъ чудновате су волше-
бнице.“ Ове речи баронове отворе ми очи; я
бы ій благосиляюћи увеличавао, да самъ у
ономъ магновенію у станю быо, буди што благо-
сильти, али є у тренутку была моя рѣшител-
ность готова. „Идемъ на войску, да будемъ ю-
накъ. Нека ми неверница баръ нѣно сажаленъ
неодрече.“ И шта самъ имао у домовини оста-
вити? имати предъ очима и душомъ свакій
часъ ликъ неверне любезнице, воздухъ дисати
коимъ она дише; о не! радіє ћу се упропа-
стити и тада є свему край; и люди ће баремъ
казати: „Штета, быо є валянъ сынъ Польске!“
А може быти посвети ће ми и она єдну сузу

и казаће: „быо є мое любви достоянъ, умрѣо є за отечество!“ У вече по долазку мое сестре саобштимъ іой: Да я нећу тражити господина Боску, него ћу да идемъ у Варшаву и тамо се у войску унишемъ. Сестра плакаше; баронъ се труѣаше одъ предузете намѣре одврати-ти ме; я примимъ то за искрену наклоность къ мени и быо самъ имъ заиста изъ свегъ срца благодаранъ; єрь у несрећи сладка є утѣха видити, да има іоштъ людій кои насъ любе. Я имъ изявимъ напослѣдку стално, да ништа мое предъзеће променити неможе. Садъ започне сестра и зеть мени совѣте давати како ћу мое иманъ спасти; я самъ имао заиста волю Паулину баръ іоштъ єданпутъ видити, али самъ се стидіо не само то учинити, него шта выше о томе и проговорити и тако са очааніємъ на срцу одпутуємо мѣ одма у Каменъць. Овде помоћу мой новаца, добиємъ лажно крштено писмо, будемъ за пунолѣтногъ одъ 24. године проглашенъ и свидѣтельство о продаіи свію мой добара одъ мое стране барону Айденбауму направљно. Нашли су се сведоцы, кои су подписали; да су они при исплати исте сумме

у присуствію были; и садъ одпутьемъ управъ
 крозь Галицію у княжество варшавско.

Крозъ неколико месецій носіо самъ већъ
 униформу 15. Уланерскогъ полка и доћемъ слѣ-
 дуюће године, пошто самъ кодъ Мира
 неколико рана задобіо и могъ коня изгубіо,
 у руско робство; мене одведу съ многимъ
 другимъ зароблѣницима у нову Черкезку, а ода-
 тле пошалу насъ у Грузіе поглавиту варошь
Тифлисъ. За све то време ни єдногъ тренутка
 неостави ме помисао на неверну Паулину.
 Нѣнъ ликъ пратио ми є душу свуда узастопце,
 као сенка путника. У войсци тражіо самъ о-
 ного проклетогъ Владислава Боску, али нисамъ
 га могао нигди наћи; за нѣга опетъ пытати
 нисамъ имао дрзновеня и шта выше,
 клоніо самъ се своіо мои стары познаника,
 єръ све ми се чинило, као да свакій моє не-
 срећу познає и самномъ ће о нѣой говорити
 започети; я самъ волео ћутаюћи сносити, сва-
 когъ мнута, свакогъ тренутка у себи споминяти
 неверницу и мою лобавъ къ нѣой у памети и-
 мати, само да ме други ни на што неопоминю.

Тако боланъ душою и тѣломъ, у най-
већой сиротинѣи, босоногъ, полу-го' седіо
самъ са осталимъ зароблѣницима у граду Ти-
флису помишляюћи на мою жалостну прош-
лость, а ни найманѣ за мою будућность небри-
нући се: кадъ на єданпутъ дође међу насъ є-
данъ рускій кавалѣriskій офицеръ, єръ онъ и-
маше дугу саблю и мамузе. Мени се учини као
да самъ тогъ човека негди видіо; я га добро
погледамъ, а то быяше онъ, Абасъ Исмаиль,
мой пріятель изъ Одесе. Али я нисамъ могао или
выше стидіо самъ се нѣга поздравити. Онъ и-
ѣаше међу зароблѣницима горе доле и мера-
ше ій очима, као да бы тражіо некога; после
приближи се къ мени, я иримѣтимъ на нѣго-
вимъ очима да ме є познао, али онъ даде ми
знакъ да се непоказуємъ. Онъ зовне офицера
кои є надъ нама стражу држао къ себи, и упи-
та ме у присутвію нѣговомъ: „Єси ти офи-
церъ или простъ?“ Я одговоримъ: „простъ“
„Оѣешь ты у мою службу ступити?“
„Оѣу“
На то окрене се къ офицеру одъ Гарни-
зона:

„Генераль ми є дозволю єдногъ Поляка за мою послугу изабрати; я узимамъ овогъ“ — и окрене се къ мени: „слѣдуй ми!“ офицеръ одговори кабарѣанскомъ князу нешто учтиво и я отидемъ за моимъ господаромъ. Текъ што смо у обиталиште Абасъ Исмаилово ступили. ба-ци се онъ мени у наручія и пригрли ме къ своимъ прсима: „Язловѣцкій, радуемъ се изъ свегъ срца, да те изъ несреће избавити могу. Али іоштъ ноѣасъ морашъ ты одлазити одвде!“

„А зашто?“

„Генераль има заповестъ васъ єдно 20 — 30 у Сибиръ послати: између тій стоишь ты првый у списку; я самъ читао заповестъ и тако дознао, да си овде. Генераль кои мою сестру одъ тетке за супругу има, дозволю ми є єдногъ поляка за мою послугу изабрати; оди, ты ѣнешъ наѣи іоштъ єдногъ твогъ земляка, одъ нѣга ѣнешъ остало дознати!“ и съ тымъ речма одведе ме у другу собу.

И кога видимъ овде?

Я избечимъ очи и нехтеднемъ имъ верова-ти, предамною стояше онай проклетый Вла-

диславъ Боски, я хтедо на нѣга насрнути и пеницама га смлатити. Абасъ Исмаиль стояше као окаменѣнъ збогъ лютинѣ, која се на момъ лицу изражавала. Владиславъ приступи къ мени: „Господинъ Язловѣцкій! я се нечудимъ вашей лютинѣ; но вы морате знати, да самъ я Владиславъ Загорскій, рођеный братъ Паулине, ваше заручнице.“ Моя лютина преобрати се у детиню радость, я га загрлимъ плачући одъ радости: „О я праштамъ све, вы сте яко увредили и мое и нѣно срце, она ме є любила, она є мени верна была.“

„Она васъ є любила и іоштъ васъ єднако любви; она вамъ є верна и быће вамъ и даль! што вы нисте знали; ко самъ я быю, нїє моя а іоштъ манѣ Паулинина кривица, него ваше сестре и зета, ерѣ сте намъ вы одъ нѣи као врло слабъ и само опасанъ човекъ описаный; кои бы целу стварь правителству одати могли. Паулина є хтела вама све изказати; али мое молбе и преклиняня уздржале су є одъ тогъ; у последнѣмъ пакъ магновеню предупредила є ваша сестра силомъ. Кадъ сте вы оданде од-

путовали, престао є вашъ зетъ, себе за прія-
теля Польске издавати, на нѣгову потайну туж-
бу будемъ я и многи други поватани и одведе-
ни и самогъ васъ тражили су свуда.“ Было ми
є неизказано тежко такове ствари о моіой се-
стри чути и о неваляломъ човеку кои є нѣнъ
супругъ быо, а опетъ притомъ мило и пріятно
ми быяше, што самъ се о вѣрности о любви
обожаване одъ мене девојке увѣріо. Мы смо се
забавляли и разговарали само о Паулини тѣшећи
се надеждомъ, да ћемо сви опетъ кадгодъ
іоштъ обале Днѣстра видити. У вече дође А-
басъ Исмаиль: „вы морате одлазити, и то од-
ма овогъ часа! могло бы вамъ се у трагъ у-
ћи; а овако ћу я казати, мой є слуга утекао.
Конь и вођа стои предъ капіомъ; а ево вамъ
альине.“ Онъ ми преда целу черкезку ношню.
Я се брзо преобучемъ, излюбимъ мое найбіль
пріятеľ и нзлетимъ наполь у пространый
светъ, и не помишляюћи шта за неколико са-
тій за неколико дана самномъ быти може; са
єдинственимъ помисломъ на удалъну и неизвѣ-
стну будућность, на онай тренутакъ кадъ ћу
Паулину опетъ видити.

Я вамъ небу описивати какве самъ опасности претрпію, пре него што самъ преко Терека прешао и къ Чеченскимъ Черкезима дошао. Дивљи люди рата нису ме пытали за порекло или име; нѣино єдинствено питањъ было є, да ли срце имамъ одважно за борбу, мишицу яку за удараць, око оштро за вребанъ неприятели, уво поуздано приближаваюћу се опасность изъ далека дочути, и мое тѣло яко и отврдло за невољъ; а пошто самъ у првомъ испыту доказао, да све то притяжавамъ. приме ме за нѣіовогъ брата. Съ нѣима заєдно нападао самъ я на мирна села Грузіє и богате равнице Дагестана, съ нѣима пужао самъ се на ломне горе - караба҃ске и пролазіо равнице Ериванске, гди смо често звона манастира єчмелцискогъ слушали; єрменинъ плаћао намъ є арачь и са оне стране рѣке Аракса терали смо, као изъ шале, бѣгаюће Курде; не редко поили смо конѣ наше съ Лезгирцима у таласима каспійскогъ мора, или заєдно са Аварянцима задавали стра' и трепеть посади Дербентской. Мы нисмо орали, нисмо сеяли и опеть гомилали смо злато и богатство. Мы ни-

смо знали гди ћемо ноћъ провести, гди ћемо и како сутра нападати; само то едно знали смо, да нећемо беспослено нашъ данъ провести, нити жалостно и безъ радости ноћъ простражарити. Лежало є нешто узвишеногъ, нешто дражестногъ, нешто величественогъ у овомъ полу юначкомъ, полу айдучкомъ животу; особито за човека, у кога су грудима тако страстна чувствованя беснила. У мени є бучила узаврелость и дивљина єрь самъ я любіо; и почемъ нисамъ моимъ осећаима у любви места наћи могао, то самъ ій тражіо у ратной слави, у моіой холости. У усхићеню моє гореће фантазіє, чиняше ми се, као да све то гледа любезно девоиче и као да ме чека съ наградомъ за ова моя юначка дѣла. Моя браћа, Чеченци, обдарили су ме богато, єрь су ми дали име *Арстанъ Ханъ*, кое на нѣовомъ єзика „владаюћій лавъ“ значи; кодъ нѣи самъ научіо као лавъ борити се, а моє срце умело є давно већъ съ великодушіємъ лава праштати.

Едногъ дана, кадъ самъ то найманъ очекивао, донесе некій Кабарђанаць єдну савієну ар-

тію на мене, Арстанъ Хана; отворимъ и станемъ читати: „Я одлазимъ съ Владиславомъ и видићу твоє отечество; царска є милость свима безъ изятія помилованъ поклонила. Иди генералу, момъ зету онъ ће ти дати пасошъ, то ми є обећао, и сачувай у исто време у вечитой тайности шта си кодъ Чеченаца радіо, може бити видићемо се опеть; но ако се невидимо, то остай ми онакавъ пріятель, као што самъ тия, и као што ћу ти за свагда остати.“

Абасъ Исмаиль.

Владиславъ є додао: „Мы ће мо се опеть видети. Томо, и Паулина ће васъ опеть видети, вы ће те бити сретни. То жели съ горѣломъ чезньомъ онай, кои є вама врло много кривъ.“

„Владиславъ.“

Већъ є было месецъ дана протекао, одъ како є ово писмо писано. Я обявимъ ову мою изненадну срећу моіой браћи, борцима Чеченцима, и они буду ожалосћени. Я имъ рекнемъ съ богомъ и они се опросте са мноми на ко-

лени и сви єдногласно повичу: „Ако ти зло уз'иде врати се къ нама натрагъ; пре ће снегъ на вр'у Елбруца озеленити, него што ће се у нашемъ срцу чувство братства за тебе угасити; нека Терекъ за тебе nebude море, єръ наше пріятельство остає ти вечито као верность пса Арстанъ Хане, нека те Алах' обаспе читавомъ планиномъ среће, милине и богатства.“ — На истомъ Дорату, кои ме є брзъ као птица по воздуху, итленъ као узкиптала вода у свимъ моимъ ратнимъ предузећама носіо, препливамъ преко Терека и одяшимъ у Тифлисъ. Често осврћао самъ се на снежне вр'ове Елбруца и на мрачне горе пу не боровине и ела, коєсу се на стрменымъ стѣнама узвишавале; жао ми є было верне Чеченце оставити; али любовь къ Паулини вукла ме є натрагъ у домовину.

У Тифлису прими ме Генераль као сродникъ Абасъ Исмаиловъ лепо и сасвимъ пріятельски, али у исто време каже ми и ту жалостну вѣсть, да се већъ у Петербургу за мое пребыванъ кодъ Чеченаца зна, шта выше іоштъ да є и заповестъ издата, мене као бѣгунца, и преступни-

ка ухватити; али ми опетъ да пасошъ као Кабарѣанцу, кои у Бердицовъ на вапаръ иде и настави далъ. „Кодъ куће быће вамъ лакше опроштенъ добити, Императоръ е добаръ, милостивъ и зна праштати.“ Я узяшимъ на коня; дуго, врло дуго као столѣтје, продужило се за мене ово путованъ; за мене, кои бы радо као птица овай дугій путь прелетіо. Напослѣдку препливамъ преко Днѣпра и приближимъ се къ обалама Днѣстра.

Я хтедо управъ у Ямполь одяшнти, али нека непонятна сила вукла ме кући очиноу; немого іоу противостати. Я уѣмъ у село яшећи. Колибе стаяле су у єдномъ реду поправлѣне. Све єднаке споляшнѣости, као редъ солдатій, а око нѣи видила се нужда и сиротиня; какве су се то промене догодиле! кућа моій дедова была е као преобраћена; у башти видиле се дугачке путанѣ изкварене, авлія замка ніе се могла выше познати; сасвимъ страни люди одали су по нѣой тамо амо, и ни єдно єdito познато лице. Я сиѣмъ съ коня, єданъ човекъ, у поцепанымъ альинама погледи на мене, и єданъ

хртъ съ полуопалымъ длакама довуче се къ моимъ ногама, хртъ є быо — мой Долотъ, издрпанный човекъ — ѱорђе; сузе ми на очи ударе : „Долоте, мой добрый Долоте!“ и я самъ миловао мое псето. „Мой ѱорђе, како ти є?“ Онъ ме погледи укочено и неодвраћаюћи очи: Мой Господинъ; „о господинъ Томо!“ и падне ми къ ногама. Я га подигнемъ и полюбимъ у чело : „ѱорђе, Богъ те поздравіо, шта є теби? што си тако ядно одевенъ?“ — „Я самъ куйнскій чуваръ у мое старе дане постао“ и бризне плакати, као Дабаръ — „ѱорђе, престани плакати, гди є моя сестра?“ Онъ ми покаже рукомъ на замакъ, ма'аше главомъ и неодговори ми ни словца. Я самъ выше трчао, него што самъ ищао кући, одтуримъ рукама одъ себе гомилу слугу, кои су ми путь препречили и нисамъ слушао, шта су они говорили; прођемъ неколико соба' и ступимъ напослѣдку у велику собу. Овде нађемъ мою сестру и зета; они су заєдно седели на софи; никакве деце — него пси су се играли предъ нѣинимъ ногама. Богъ ій ніє съ децомъ благословіо.

При момъ появленю скоче горе, поцрве-

не у свомъ лицу и поблѣде — они су ме познали. Я станемъ: „Моя сестро!“ и она хтедне къ мени приступити, крвь говорила є крви, и ако є може быти чувство ѣутало, али онъ одтури є рукомъ натрагъ и повиче: „Ко си ти? госпоя бароница нема никаквогъ брата.“

„Госпоя бароница нема, али има Катарина Язловѣцкова; я самъ Тома Язловѣцкій“ и сильнымъ движеніемъ разбадимъ мое япунце, и мой ятаганъ засветли яко. Недостойный стресе се као у грозници и дриѣуѣимъ гласомъ рече: „Несретниче бежи, Тому Язловѣцкогъ свуда траже.“

„Неѣу да бегамъ, некъ доѣу и овде нека ме ухвате.“ Моя сестра излети наполь, я самъ погледао на могъ кукавногъ зета. Потрѣнутъ ятаганъ дрктао є у моіой руцы; могао самъ га смлатити; али нисамъ хтео; волео самъ га погледомъ презренія убити. На то доѣе моя сестра натрагъ съ пуномъ кесомъ злата у руцы; „Ко' ти годъ быо да быо, мой братъ или не, узми то, па бежи.“

Ове речи у овомъ магновениу изговорене, узбуне ми мою унутрашньость; место срца дає ми сестра злато. „Јдна и кукавна створења.“ Я зграбимъ кесу са златомъ и бацимъ имъ исту у образъ: „Живите и одъ садъ у вашемъ злату, у вашой подлости, у проклетству непоштена! Я нећу ништа одъ васъ!“ И съ тымъ излетимъ напољ и лупимъ за мноумъ вратима, да су сви пенцери зазвечали, као да ђаво бега оданде, почемъ є дѣло опустошенія извршио. Око могъ коня стаяше ђорђе и Долотъ; я извадимъ єдно двадесетъ дуката одъ мое черкезке плячке: „узми то, старый ђорђе!“ скочимъ на могъ коня и одемъ чувши само то єдно, како є старый слуга замномъ викао: „Господине! Богъ, нека вамъ буде у помоћи.“

Было ми є тако тежко на срцу, да ни плакати нисамъ могао при послѣднѣмъ збогомъ остай, кое самъ очиной кући, селу постойбине казао. Преко поля и долина єздіо самъ у Ямполь, мой Долотъ трчао є замномъ, скакао радостно и маао репомъ, као у пређашнѣ дане. Онъ ме нів заборавіо, и оставіо є садъ све са-

мо да мене прати. О роде човечій! зашто не-
машъ ти пасъ срце за твога пріятеля? већъ
самъ угледао беле куле Ямполске, како су се
као венацъ пред'амномъ развіяле.

Я приспѣмъ на место. Све пусто и пра-
зно. Я самъ ишао предъ познату кућу; и ту
пусто и празно; напослѣдку залає псето, и изи-
ђе напољъ єданъ човекъ, кога самъ я негди
пре видію; али се сетити нисамъ могао, гди.
Онъ ме оштро погледа и одма спусти очи до-
ле, може бити да ме є познао, или му є та-
кавъ обичай быо. Я упытамъ силазећи съ коня:
„Єли госпоя Загорска кодъ куће?“

„Госпоя Загорска има већъ месецъ дана
како овде неседи, я самъ ову кућу купію.“

„Гди є она?“

„Она є са зетомъ у Кавказку одпутовала.“

„Съ каквимъ зетомъ?“

„Съ княземъ Абасъ Исмаиломъ.“

„Єли господична Єлена оздравила была?“

„Ніє, она є была све єднако болестна.“

„И тако ню є князь узео?“

„Онъ є господичну Паулину узео, млађу кћерьъ госпоє Загорске.“

Выше ми ніє требало, я самъ се круто држао о седло и тресао као у якој грозници Мени се учини, као да човекъ приповедаюћи подмуклимъ гласомъ изсмеяваше венчанъ Паулинино. Онъ ме додирне лагано и понуди у свою кућу; Садъ дођемъ опеть къ себи: „У Кавказку!“ повичемъ. Онъ ме опеть оштро погледи, али садъ нисамъ выше маріо за нѣгово поругателно смеянъ: „У Кавказку, вели, да кости господина Томе Язловѣцкогъ потраже, о комъ се приповеда, да є негди у онымъ предѣлима погинуо.“

Я скочимъ на коня. „Али они неће колико годъ желе да ми се подсмеваю, моє кости наћи, него мою Освету!“ — И савіємъ могъ коня, изяшимъ изъ вароши наполѣ и брзо унутра у пустаре: „Освету, освету!“ дуго самъ тамо и амо безъ пута и цѣли путовао. Напослѣдку застане ми конъ уморанъ на єдномъ брежульку:

с'яшимъ доле, и бацымъ се на голу землю. Я нисамъ спавао, него самъ выше лежао као мртавъ, и кадъ самъ къ себи дошао светлило є већъ сунце и пустарске птице по-але су Богу ютреню песму. Я осетимъ некій тереть на моимъ ногама, то быяше мой пасъ, онъ спаваше. Я га гурнемъ: онъ се непомакне; я устанемъ, метемъ руку, уво, устне на нѣгову нюшку, ова быяше ладна, онъ є быо преминуо и преминуо съ осмейкомъ у очима, єрь є онъ на ногама нѣговогъ господара, нѣговогъ прія-теля; на ногама оногъ умро, кога є онъ любіо. Я ожалимъ нѣгову смрть, изкопамъ му ятаганомъ раку и саранимъ нѣгово тѣло. Я самъ о-сећао у нечемъ олакшанѣ на срцу, єрь самъ момъ єдиномъ, али правомъ пріятелю послед-ню услугу указао; садъ приступи и мой другій пріятель къ мени, мой верный *Доратъ*, пружи нѣгову губицу къ моимъ образима, и стане ногомъ землю, копати, као да є тео рећи: „Време є, напредъ!“ я послушамъ овогъ пріятеля и кренемъ се къ Днѣпру, оданде къ Дону. Я бы радо къ Абасъ Исмаилу ишао, Паулину іо шть є-данпутъ видити, но я самъ мыслию: „Самъ небу

тамо да идемъ, наћи ћу я пріятель, кои ће ме пратити, кадъ іой я мой свадбены даръ до-несемъ.“ Я препливамъ Терекъ, Чеченци ме приме као свогъ рођеногъ изъ свегъ срца любльногъ брата; и ово приманъ, ова њина ердачностъ къ мени омекша ми срце у той мери, да самъ се освете одрећи, и међу њима домовину заборавити хтео и све оне люде, кои су ми толика зла починили. Али нисамъ то могао. Време є спъшило, доносило сва-кій данъ нове промене у свету; али само моя чувствованя изменила се нису. Све є остало по старомъ до єдине жеђи за осветомъ; я самъ любіо све непрестано Паулину и жаліо выше пута, што є нисамъ у Грузіи потражіо и већъ самъ се было рѣшио къ њой отићи; али како, да изъ њѣны собствены уста чуемъ да ме она нелюби, да є она другомъ срце и руку дала? Напосѣдку рекнемъ самъ у себи: „Она се є жертвовала за срећу њѣне породице; Абасъ Исмаиль є богатъ и могућанъ; я пакъ єдна светска скитница, изгнаникъ а може бити и за довека изгубльнъ. Она се жертвовала ако ме и люби.“ И тако правдаюћи њо одъ

сваке кривице рѣшимъ се, спокойство нѣногъ срца неповредити. Понекадъ самъ Абасъ Исмаила кривіо, да є онъ пріятельство издао, али самъ опеть рассуђивао и другчіє: „Та и онъ има очи и срце, а она є тако лепа, тако добра; зашто да онъ ню нелюби тако, као што самъ є я любіо, и као што є любимъ?“ мое срце говорило ми є додуше: Владиславъ быяше двапутъ виновникъ твоє несреће, али моя душа одговарала є на противъ овомъ пребациваню: „Онъ є нѣнъ братъ, онъ є желіо нѣой срећу и срећу своіой породици, то му се неможе за зло примити.“ У такомъ раздору душе и срца преживимъ выше одъ пола године; рать быяше моя єдина рана, а мы смо имали рать. То є было у оно време. кадъ є Ермоловъ све силе употребіо, да слободне народе Черкезке скупа влади руски' царева подчини. Наше споразумлѣнѣ съ жителѣма Кабардскимъ быяше прекинуто; на обалама горнѣгъ Терека и дужъ воєне линіє према Дербенти повлачиле су се црне чете руски войника; кадъ смо мы по негди овай ланаць оружаны людій прекидали, то є было єдинствено зато, да неколико удараца съ мачемъ учинимо, какву

малу плячку предузмено и тако са полузага-
шеномъ жеђу освете и съ добивенымъ плѣ-
номъ натрагъ у брда измакнемо. Я нисамъ ни-
шта разабрао и нисамъ могао разабрати шта
се є съ Абасъ Исмаиломъ догодило и опеть
была ми є то наймилія моя желя.

Єдногъ дана месеца Септембра заклуче
князеви и уздени Чеченски и ханови Аварски
нападати на Дербентъ и околину; я добиємъ гла-
вну команду надъ 100 Чеченаца, на кои се ср-
це и мишицу ослонити могло, као на скокъ
Черкезкогъ коня. Съ заодомъ сунца сиђемо съ
планина' доле пролазећи часъ єлову часъ ра-
стову шуму; ни єданъ конъикъ речи неговора-
ше; никакавъ конъ недаваше гласа одъ себе,
сама гомила слободны' пустарски' коня', коя є
торбе за нашъ плѣнъ носила, ишла є за нама
своимъ умѣренымъ порядкомъ и мучанѣмъ, као
да познає волю и потребу свои' господара'.
Была є ноћъ тавна, іоштъ небыяше месець и-
зишао, и никаква звезда невиђаше се на
своду небесномъ, кадъ смо крозь лужне пута-
нѣ стражарску руску ватру угледали; лагано

подкраду се єдно двадесетъ коняника' съ десна и съ лева; то є начинъ Чеченаца', предстраже козачке вребати. На десной страни чуємо неко потмуло подземно стенианъ и звижданъ, наликъ на звижданъ Чизка у пустари; у пуной гомили кренемо се на ту страну дужъ ланца предстраже; коя є готово напуштена была, и я самъ осетио како є мой конь ногомъ єдну козачку лешину згазіо. У истый ма пукне на десной страни пушка, мы се тамо окренемо али є буктіо у пламену єданъ свежанъ сламе — хрѣавъ знакъ; Русе нисмо мы пробудили, него веѣть єданпуть пуштене конь нисмо могли выше уздржати, бегати свакій се срамотіо, мы повичемо: „у Дербентъ, у Дербентъ!“ мои Чеченци подигну дивлю вику као шакали, и на вратъ на носъ юришимо мы у варошь. Наши мачеви нису пробудили жителъ изъ сна; него насъ поздрави по сокацыма ватра гарабильска и густа киша танадій. Месець изилазаше, као да є тео нашу пропасть осветлити; са свою страна видели смо се неброєнымъ гомила'ма обколъны, прсима наши коня пробіали смо крозь гомиле и севли мачевима десно и лево. Пошто самъ у

овомъ бою неколико войника' оборіо, продремъ на коню крозь єдну капію и дођемъ у неку широку Дворану; крозь пенцере пуцале су пушке и звиждала танадь, мой Дорать стропошта се и притисну ме под'асе; изъ куће изкоче люди: „Черкезу предай се!“ али я самъ се већъ изподъ коня извукао и юришимъ голомъ сабљомъ на нѣи. Наѣданпутъ ми се учини као да гласъ Абас - Исмаиловъ чуемъ. Вика борбе, пушећа се крвь, смртъ мога коия, све є то у мене крвь успалило: я самъ тео освету, я самъ жедніо за осветомъ, већъ самъ четворицу мачемъ моимъ оборіо, кадъ на прагу куће на Абасъ Исмаила насрнемъ; са свомъ снагомъ потегнемъ сабљомъ и силнимъ ударцемъ као освете полюбцемъ; Абасъ Исмаиль познаде ме и повиче: „Язловѣцкій, стани!“ али само своимъ мачемъ могао є удараць дочекати; я ударимъ, нѣгова се сабля сломіє и моя се сломіє; али вршакъ удари у нѣгове прси, онъ се окрене и повиче: „Тома Язловѣцкій!“ па улети у собу. У истомъ магновеню тргнемъ малу пушку иза пояса и полетимъ за нѣимъ; я опалимъ, у тайма' отвори Паулина врата одъ друге собе, по-

вече: „Томо“! и падне на землю. Я є познамъ, пушка ми изпадне изъ руку; люди Абасъ - Исмаилови скоче съ леѣа и свале ме доле; я се нисамъ браніо. Ранѣнъ повика Абасъ Исмаиль: „Одлазте, оставте га!“ Они отиду на полѣ, а я самъ остао као о патосъ прикованъ на месту, нисамъ мицао ни єдномъ ногомъ, ни скидао очи съ Паулине; садъ ступи госпоѣ Загорска и Ёлена унутра, мету Паулину на софу; али она проговори: „Ніє ништа. Томо, мой єдиный!“ моє срце хтело є разпасти се, я нисамъ знао, шта є самномъ было. Садъ погледи Ёлена на Абасъ Исмаила: „Човече, ты си ранѣнъ!“ Ове речи даду ми уєдно смртный ударъ и новъ животъ у исто доба: „Я самъ ню убіо, а она ме є любила и была ми верна остала!“ На коленима домилимъ до софе: „Паулино, ты ниси нѣгова супруга?“

„Я самъ твоя, Томо! майко, благослови насъ!“

Я самъ любіо нѣне ноге, нѣне руке, я самъ сисао крвь изъ нѣне ране: „Я самъ убийца, одъ Бога проклетый!“ И опеть ніє ми нико

ништа опоро рекао, сви су говорили: „Јдний Томо.“ Паулина притисне нѣне устне на мой образъ и благодари свомъ убицы полюбцемъ за смртну рану, и мати ми опрости и благослови насъ. Лѣкаръ дође и посмотри рану; тане є у прсима остало. Жалостно ма'аше онъ главомъ, а она погледи у нѣга па после опеть на насъ: „Да богме, я ћу оздравити и онда ћу само за тебе живити.“ лѣкаръ проговори; „Тане мора се напољъ извадити, то є єдино средство.“ — „То є моє тане, то є мой првый поздравъ за любезну; ахъ, какавъ ли самъ я злочинаць!“ али никаква суза нїє се у моме оку указала, и моє срце нїє препукло. У очима Паулининимъ видила се дубока боля, на лицу смртно бледило. Често є шкрипала зубма и опеть се силомъ осмейкивала. „Извадите ми само тане напољъ, я се ништа не плашимъ!“ Лѣкаръ узме своє оруђе и дотакнѣваше садъ нѣне беле груди, коє пре нѣга јоштъ ни єдна човечія рука, шта выше никадъ ничїє око додирнуло нїє; мени се чиняше, као да є Паулина одъ стида црвенила, и мало є фалило, да нисамъ лѣкара за вратъ зграбіо, еръ онъ дираше предметъ, кои є за

мене светиня быо ; онъ є секао ножемъ нѣне мишке , да є крвь изъ нѣи текла , мени се чинило као да мое прси пара , та я самъ осећао , да мени крвь изъ жиле тече ; мое срце дрктало є болно , ерь онъ додиркиваше гвоздемъ мое срце , я се стропоштамъ доле и ужасно дрекнемъ . Паулина проговори ми полужнимъ гласомъ : „Томо , полюби ме ,“ и я є полюбимъ ; „обуците ми црвену альину“ и ти'имъ єднимъ полюбцемъ пропири лако смртно дисанъ преко мой' устны' . Я повичемъ : „Паулино !“ и обгрлимъ є моимъ рукама . Жалостѣу тронуть проговори лѣкаръ : „Она є изданула .“ Мати плакаше , сестра плакаше ; а я самъ грліо мртво тѣло : „Она є моя !“ — Нисамъ плакао , него само шкрипіо зубма и молио Бога за смрть . „Я самъ убица , злочинаць ; скруши ме Боже , уби ме !“ одтргну ми изъ наручія мртваца , али я неоставимъ собу и седіо самъ дань ноћь кодъ нѣны ногу . Гледао самъ кадъ су іой црвену альину навукли , са извансебномъ жестиномъ излюбимъ іой образе : „мы ће мо се іоштъ радовати тамо на небу ; ти си моя , ты ћешъ ме себи примити .“

Бью самъ при нѣномъ погребу, али се ничегъ выше неопоминѣмъ; преповедали су ми само да самъ, са некимъ курюкомъ свуда ишао, ни кога не познавао и све непрестано говорю: „Она ме люби, она є моя“ Я самъ бую изванъ себе, али нисамъ умрѣо „Проклетый животу човечій, такавъ си као да бы одъ камена бую!“ — Овде стисне Язловѣцкій зубма и ућута сасвимъ за неко време па онда увати се рукомъ по челу и настави далъ: „Абасъ Исмаиль добіе посредствомъ Ермолова одъ цара мое помилованъ и после неколико месецій доведе ме Владиславъ у мое отечество. Погледъ села мое постойби-не и куће у Ямполу пробуди опеть у мени опоминяня; я се изплачемъ, и онда разговоръ поведемо о целой прошлости. Одъ нѣга дознамъ, да є онъ по венчаню Абасъ Исмаила съ Єленомъ свою кућу єдномъ повѣреномъ слуги барона Аиден-баума продао бую, али я тога нисамъ познао. Баронъ се надао, да ћу я опеть у отечество вратити се, и ніє желію, да я ту останемъ; почемъ є добро знао, да царъ Александеръ лако помилованя дає, и тако се бояо, да неизгуби опеть свое иманѣ, кое є зло-

чинствама задобію. Зато є онъ свогъ слугу тамо наместію и заповедію му да мени о венчаню Паулининомъ преповеди; добро є онъ мене познавао и было уверенъ, да ѣу се я одма у Кавказку вратити. Абасъ Исмаиль изчекивао ме є съ породицомъ Загорскомъ у Одеси, почемъ є о мени на све стране разпитивао. На єданъ мєсець дана предъ несрећный догађай было се Владиславъ вратио, а Абасъ Исмаиль дође онда у Дербентъ. Моя сестра и мой зеть продаду све иманъ и преко границе у Германію преселе се, и онай услужный помагачъ мого душманина кућу є скою у Ямполу оставіо и за нѣма отишао. Я пакъ, жертва нѣове пакости постао самъ убица“ . . . —

Онъ иђаше по соби горе доле и мы види смо на нѣговомъ лицу, шта є онъ трпію, после опеть седе: „Владиславъ станіо се у Буку, не далеко одавде, а я у нѣговомъ сусѣдству. Често мы заєдно жалимо и оплакуємо, али я самъ неутѣшанъ у момъ очаянію, єрь я самъ убица.“ — Затымъ устаде опеть, пође неколико пута горе доле, извуче после єданъ кур-

юкъ изъ свои недара, кои є свагда на срцу носіо : „Ово є спомень мое любви, Паулинина коса!“ И утаре сузу изъ очію показавши рукомъ на жутомрку коньску кожу : „а ово спомень мое ратне славе, славе, коя ме є убицомъ учинила!“ И ућути. Мы смо съ почитаніемъ сматрали, ово очаянъ; нисмо целу ноћь ока склопили него размишлявали о овомъ животу, пуномъ несреће.

У ютру быаше лице Язловѣцкогъ спокойніе. „Она ми се появила у црвеной альини, тако лепа, као што є свакадъ была, она ме зове къ себи, вы знате за мою судьбину и мою патню, непреповедайте ю никомъ, докъ годъ я живимъ; после чините съ тимъ, шта оѣете. Я идемъ у Тифлисъ; я осећамъ, да се мой конаць приближава, нека баръ мое кости до Паулинины' почиваю, она ми є опростила, она ме люби, може быти и Богъ ће ми опростити.“ — При растанку нисмо се усудили ни єдну речцу утѣшенія прословити; и опеть є онъ познао да наша срца нису ледена была; єрбо насъ загрли срдечно : „Фала вамъ, мы се сигур-

но нећемо выше видити; очитайте кадъ и кадъ по єданъ оченашъ за несретногъ убицу.;

После три дана разумели смо, да є Язловѣцкїй Биковку оставіо. Године 1830. покаже намъ Владиславъ Загорскїй єдно писмо одъ Абасъ Исмаила и у нѣму ове речи: „Тома є мртавъ, мы смо га до Паулине саранили; ахъ, колико є препатио, како се яко и како дуго каяо! како ю є силно любіо и како є сретанъ быо при нѣговомъ издисаню. Ніє ми могуће, теби све то описати, Богъ му є за цело опро-стіо. Мы нисмо съ матеромъ и моіомъ женомъ и моіомъ децомъ ни єдне сузе пролили, єръ насъ є тѣшила помысао: Они су сретни тамо горе на небу.“

Владиславъ Загорскїй пао є 1831. г. у битки кодъ Дашкове и онда текъ разговарали смо съ Іованомъ Омѣцынскимъ у Паризу о несретной судьбини Томе Язловѣцкогъ, како су чудесне и различне судьбине людске!

Г. Г. ПРЕДУПИСНИЦЫ.

В Е О Г Р А Д Ъ.

Нѣгово Высокопреосвященство Православный Епископъ
Ужичко-Крушевачки Господи́нь Іоаннѣй 3.

Нѣгово Высокородіе за сада у станю покоя живеѣи Г.
Представн. княжес. и Попечыт. Иностран. Дѣла, Полковникъ
и Кавалѣръ Илія М. Гарашанинъ, за сына Милутина 3. 6

Высокославный Совѣтъ.

Высокородный Господи́нь Предсѣдатель Совѣта Генера-
ль-Маіоръ и кавалѣръ Стефанъ Стефанови́нь. Высокородна
Г. Г. Членови и кавалѣри: Павле Станиши́нь. Єфремъ Нена-
дови́нь. Іованъ Велькови́нь. Стоянъ Іованови́нь. Илія Но-
вакови́нь. Гаврило Єреми́нь. Єремія Станоеви́нь. Мильцо
Трифунови́нь. Высокоблагородный Г. Др. Яковъ Живанови́нь,
Главный Секретарь Совѣта и кавалѣръ. Высокоблагородный
Г. Райко І. Лешянинъ, І. Секретарь Совѣта. Г. Маноло
Ранкови́нь, канцелиста Совѣта. 12

Попечителство Внутреный Дѣла.

*(Скупіо Г. Атанасіе П. Белополяцъ, проткол. Пол
Одѣла. при Попеч. Внутр. Дѣла, као ревностанъ под-
помагатель Србске Книжежности и Човекъ
познате доброте).*

Нѣгово высокоблагор. помоћникъ Попечителства Внут.
Дѣла Подполк. кавалѣръ Г. Антоніе Р. Майсторови́нь. На-
чал. Одѣла. Санитета Г. Др. Емер. Линденмавръ, Кавалѣръ.

Секретарь истога Попеч. Г. Іованъ Николићъ. Столоначал. Санитет. Одѣл. Г. Др. Медовићъ. ГГ. Лазаръ Максимовићъ, рачуновод. Стеванъ В. Поповићъ, протоколиста санит. одѣл. Стеванъ Ђирићъ, проток. пошт. одѣл. Живоинъ Стояковићъ. експед. Канцелисте: Стефанъ Лукићъ. Іованъ Богоевићъ, Милош Лешянинъ. Антоніе Іовановићъ, телегр. Практиканти: Миланъ Николићъ. Димитріе Іовановићъ. Любомиръ Вранялићъ. Симеонъ Поповићъ. Коста Антићъ. Павле Павличевићъ, за сына Божидача. Благонадеж. Ђорђе А. Я. Ненадовићъ. 20

Попечителство Правосудія.

(Уписаный у канцеларији Попечителства.)

Рачуновод. попечит. правос. и просв. г. Васа М. Грујовићъ, за кћери Катарину и Елену. ГГ. Панта Іовановићъ, І. столоначал. попеч. правосуд. Гаврило Н. Перишићъ, столов. попеч. внутр. дѣла. Помошникъ рачуновод. Іованъ Јанковићъ, за сына Ђфрема. Архиваръ попеч. правос. Арсеніе Лукићъ. Благонадежный Миланъ Марковићъ, ученикъ І разр. гимназ. ГГ. Канцелисте: Др. пр. Стоянъ І. Вельковићъ. Аѣимъ Димитріевићъ. ГГ. Практиканти: Ђорђе Стефановићъ. Филипъ Глогвићъ. Милош Новаковићъ. Стоянъ Марковичъ. Бранко П. Бранковићъ, за брата Глигорія клирика І. богос. Бранко истый за Емилию Сомборку. Матія С. Филиповићъ. Г. Дим. Симићъ, секр. окр. суда Гург. Иліа Лазићъ, служит. попеч. за сына Лазара. Г. Лазаръ Марићъ, І. столонач. попеч. 16

Попечителство Просвете.

Секретарь попечит. просвете Г. Миланъ Симићъ, 2. Библиотека, 2. 4

Попечителство Финансіе.

ГГ. Н. Н. —, ІІ. казначей попеч. фин. Груица Ивановићъ, секр. одѣл. рудар. Ђорђе Бранковићъ, рачуноисп. Радивой Милованчевићъ, ІІ. ричуноисп. попеч. финан. А. Л.

Лазаревићъ, II. књигов. Јованъ Живаоиновићъ, архив. фин.
Миланъ Ковановићъ, правобран. правител. и столонач. I. К.
Николићъ, књигов. фон. удов. Јованъ Милановићъ. Любомиръ
В. Ђорђевићъ. Канцел. Петаръ Пантелићъ. Практи. Владим.
О. Савићъ и Коста Д. Цветковићъ. 13

Врхов. и Касаціонный Судъ.

ГГ. Членови: Филипъ Христићъ. Јаковъ Димшићъ. Се-
крет. Матија Матићъ. I. стolon. Сретень Поповићъ. II. стolon.
Ненадъ Јовановићъ. Протокол. Н. Ж. Райковућъ. Експедит.
Стев. Лонгиловићъ. Канцел. Ђорђе Живановићъ. Практик.
Теофилъ Спасовићъ. 8

Контрола.

ГГ. Коста Сретеновићъ и I. Марковићъ, рачуноисп. 2

ГГ. Професори: Констан. Бранковићъ, профес. лицея и
цензоръ књ. и нов. Владимиръ Јакшићъ, профес. лицея, 10.
Матија Банъ, профес. бывши. Людовитъ Шпанићъ, профес.
трг. школе. Књижара г. Вел. Валожића, 20. Г. Штабесъ-
Др Карлъ Белони за супругу Терезію, 2. 35

Судъ Вароши Београда.

ГГ. Секрет. Ђфремъ П. Барловъ. Протокол. Петаръ
Маринковићъ. Канцел. попечит. просв. Панта М. Бесарићъ.
Експедит. Ђорђе И. Бундићъ, за сына Милутина. Практик.:
Алекса Остоићъ. Димитрије Маринковићъ. Ђорђе Радовановићъ.
Миланъ Местанићъ. Влад. М. Стефановићъ. Мих Николићъ.
С. Маленовъ, за брата Аврама. Н. Д. Вранялићъ. Б. Д. Си-
мићъ. Мих. Аранђеловићъ. М. Јовичићъ, пис. суда в. Беогр. 15

Фондъ Школски.

ГГ. Др. Миловавъ Спасићъ, управ. основ. школа и пр.
Илија В. Першићъ, акт. и рачуновод. фон. за кћеръ Любицу.
Алекса Д. Цимићъ, за сына Міяла и свастіку Васићъ 2. 4

ГГ. Стоянъ Делимарковићъ, чл. прим. суда. Пироћанацъ І. Вельковићъ, канц. апел. суда 2. Трговцы: Анастасъ Зако. Сладкій Чика — малый — на Сави — погоди! — К. Кумануди. Јов. К. Поповићъ. Димитріе Данићъ. Янаћъ Д. Пешика. Коста Д. Пешика. Миша Арсенијевићъ. Димитріе Веляновићъ. Јованъ Антоновићъ, руковод. држав. телеграфа. Трг.: Манойло Антоновићъ. Тома А. Поповићъ, Ж. Карабиберовићъ. Радованъ Барловацъ. Пая Вуковићъ. Димитріе Перовићъ. Танасіе Ђ. Кумануди. Д. Никола Вуличевићъ. Ламбра Ђорђевићъ. Васа Стойковићъ. Јованъ Божићъ. К. Пешика. Живко Петровићъ, терзія. Андрија Димитріевићъ. Таса Стефановићъ, каф. Јованъ Мильковићъ, терзія. Тоша Поповићъ, ликер. Петаръ Ђурковићъ, ликер. Живко Ђ. Спасовићъ, ђакъ. Живко В. Анђелићъ. Трговцы Міяило Неранђићъ и Димитріе Ђ. Главинићъ, любит. књиж. Коста Атанацковићъ. Димитріе Плавъ. Риста Савићъ. Тома Стояновићъ, тргов. и майст. Ђорђе Тоскићъ, ученикъ. Јованъ Бошковићъ, майст. Дим. Стояновићъ Смедеревацъ, майст. Тома Стояновићъ, майст. Пая Јовановићъ, чизмаръ. Дим. Симићъ. банд. за сына Петра. 48

Управ. вар. Београда.

ГГ. Секр. упрап. вар. Беогр. Илія Стойчевићъ. Прак. Сретенъ Добросавлѣвићъ. Миланъ Сретеновићъ. Ђорђе Радичевићъ. Тоша М. Мрцајловићъ 2. Радисавъ М. Христићъ. Живко Петровићъ. Милое Р. Чанчаревићъ. Гая Майсторовићъ, І. пис. Мита Вукомановићъ, чл. упр. Алекса Давидовићъ, казначей. Стока Спасићъ, ђумр. Практик.: Міятъ О. Човићъ. Алекса Петровићъ. Илія Пчеларићъ, пис. ђумр. Б. Милошъ Катићъ, надзир. скела. К. Николићъ, прак. Алекса Поповићъ, агентъ цар. Беогр. 18

(Скупіо С. Димитріевићъ, III. пис. суда окр. Беогр.)

ГГ. Михаиљъ Георгіевићъ, чл. апел. суда. Никола Х. Селаковићъ, чл. суда окр. Беогр. Јованъ М. Кундовићъ, секр. суда окр. Беогр. за сынове свое Захарію и Велизара ученике.

Аксентіе И. Марковићъ, чл. суда окр. Беог. Мирко Радовановићъ, протокол. за кѣрь Юліану. Стоянъ Дмитрієвићъ, III. пие. суда окр. Беог. Стоянъ Константиновићъ, експед. с. окр. Беогр. Практиканти: Радойко Симоновићъ. Петаръ И. Николићъ. Мих. Кр. Петровићъ. 11

Началн. Окр. Беогр.

ГГ. Мата Краишићъ, казнач. Коста Х. Брзакъ, I. пис. начал. Практиканти: Коста Лекићъ. Сима А. Вукичевићъ 4. Павле Анђелковићъ. Атанасіе Милойковићъ. К. С. Паунковићъ. Дмитріе Дамяновићъ. Дмитріе Несторовићъ. 12

Артилѣрійка Школа.

(Скупіо С. Здравковићъ, питом. ст. раз. арт. школ.)

Питомцы стар. раз.: Арсеніе Поповићъ и Коста Надрлянски, наредници. Питомцы млађ. разр.: Илія I. Мостићъ. Божидаръ Николићъ. Дмитріе Ђирићъ. Јов. Анђелковићъ. А. Р. Глишићъ. Дмитріе Ракићъ. Ђорђе Н. Костићъ. Ст. Васиљевићъ. I. Драгашевићъ Браничеваць. Ант. Максимовићъ. Младенъ Иліићъ Штубичкій. Петаръ Топаловићъ. Лазаръ Чолакъ-Антићъ. Любомиръ П. Марковићъ, слуш. IV. норм. раз. Любомиръ Ивановићъ. Милое Остоићъ. 18

Изъ Семинаріе Београдске.

(Скупіо Милут. Николићъ, изъ II. разр. Богословія.)

Миланъ Радовановићъ, IV. раз. Г. Миленко Банићъ, за сес. Јул. Милошъ Симеоновићъ. Милутинъ Теодоровићъ, III. раз. Алекса Ђурићъ. Витомиръ Поповићъ. Григоріе М. Балиноваць. Иванъ Марковићъ. Иванъ Николићъ. Јованъ Бачанинъ Гружанинъ. Крста Новаковићъ Рудничанинъ. Миланъ Стефановићъ. Милутинъ Јовановићъ. Михаиљ Пантелићъ. Павле Пантелићъ. Петаръ Костићъ. Светозаръ Стефановићъ, за с. Марию. Стсванъ Милошевићъ. Тодоръ Бо-

жићъ. Тодоръ I. Поповићъ Соколянинъ. Яковъ I. Павловићъ. Живота Јовановићъ, за сестрића Станоа. Илія Любинковићъ за брата Филипа. Илія Поповићъ. Јованъ Поповићъ. Міятъ Радосавлѣвићъ, за брата Милана. Михаиљ Аранѣловићъ изъ Неготина. Риста Маринковићъ. Сретень Поповићъ Руднич. Филипъ Поповићъ изъ села Дубнице, I. раз. 30

Ученицы III. Грамат. Разр.

(Скупіо Јованъ М. Прендићъ, учен. III. грам. раз.)

Тома М. Шишмановићъ Болгаринъ. Миладинъ Симоновићъ Ужичанинъ. Танасіе Радойковићъ. Арсеніе Путниковићъ. Яковъ Б. Поповићъ изъ Ябуча окр. Валѣв. Живко Поповићъ. Светозаръ Х. Томићъ. Светозаръ Никетићъ. Евремъ Ацићъ. Мих. Вуіовићъ. Наумъ III. Наумовићъ. Атан. Милисавлѣвићъ. 12

(Скупіо г. Ж. Остоићъ, ђаконъ и учит. III. раз. основ. школа вар. Беогр.)

Г. Дмитрій Николойдесъ, грчкій учит. Г. Константинъ Никаруссн. 2

Ученицы III. раз. осн. Школа.

Симеонъ Илійћъ. Миланъ Свмићъ. Јованъ Васићъ. Благое Стойковићъ. Милутинъ Карановићъ. Павле Церовићъ, изъ Дровня съ црногор. гран. Стойко Аѣимовићъ, р. изъ Скопља прав. питом. Михаиљ Јовановићъ. Спиридонъ Богдановићъ. Сава Лазаревићъ, род. изъ Васольића изподъ Кома (вел. пл.) Никола Пешика. 11

(Скупіо Стеванъ Неговановићъ.)

ГГ. Риста Величковићъ, трг. за сына Сретена III. гим. клас. учен. Стефанъ Миловановићъ, терзія за сына Михаиља младолѣтногъ. Никола Стефановићъ, трг. за кћерь свою Лепосаву младолѣтну. Јованъ Живковићъ, ђур. за сына Петра.

Ђорђе Николићъ, трг. за сына Светозара. Таса Спасићъ, шнайд. за сына Андрею. Никола Гушанацъ, терзія за сына Любомира учен. II. трг. шк. Арсение Кнежевићъ, шнайд. за сестрића Ђорђа Недельковића учен. Глигоріе Стефановићъ, трг. изъ Бела Поля. Пет. Спасићъ, банд. за сына Михаила. Лука Н. Величковићъ, уч. III. нор. шк. Коста Овчаревићъ, тргов. за кћерь Софію. Стефанъ Јовановићъ, терзія за сына Ђорђа уч. II. раз. осн. шк. I. Барловацъ, тргов. ва синовце Димитрія и Благоя 2. Јованъ Милановићъ, за брата Марка Милановића уч. II. раз. Сима Аксентијевићъ, майст. Трајко Атанасіевићъ, трг. за сына Николу учен. II. раз. осн. школе. Пав. Башкалѣићъ. Јанаћ Д. Пешика. Стев. Неговановићъ 2.

20

КАРАНОВАЦЪ.

(Скупіо Коста Костићъ, практ. суда окр. Чачанс.)

ГГ. Преподоб. Игуменъ манаст. Каленића, Г. Теофилъ. Протопресв. Чач. и чл. К. Е. У. Радованъ Поповићъ. Никаноръ Бученићъ, еромон. манаст. Студенице и чл. К. Е. У. Василие Протићъ, пар. Каранов. Јованъ Николаевићъ, помоћ. цркви Каранов. Андрија Буђевацъ, стариј учит. III. и IV. раз. основ. шк. у Карановцу. Филипъ Зорићъ, препис. К. Е. У. Петаръ С. Анђелковићъ, практ. с. окр. Чач. Василие Кнежевићъ, устабаша терз. Павле Махайлойвићъ Даскаловићъ, ћирица Г. Епис. Ужич. Ученицы IV. разр. осн. шк.: Стефанъ Стефановићъ. Симо Петровићъ. Вићентије Јовановићъ. Милованъ Глигоріевићъ. Светозаръ Божићъ, уч. III. р. осн. шк. Милева Јовановићъ, кћи нот. Конзис. Епар. Ужич. Спасов С. Шутићъ, за братучеду Цаниљку.

20

ЛОЗНИЦА.

(Скупіо Станое Илићъ, пис. суда окр. Подринс.)

ГГ. Алекса Павловићъ, парохъ Јошев. Сима Б. Михайловићъ, секр. с. окр. Подрин. Миланъ А. Јоксимовићъ, пис. с. окр. Подрин. Аксентије Тешвићъ, протокол. с. окр. Подрин.

Радомиръ Вучковићъ, мл. пис. среза Ядран. Любомиръ С. Јовановићъ, прак. с. окр. Подрин. Антоније Б. Радовановићъ, прак. с. окр. Подрин. Василије Ђвтићъ, прак. начал. за сына Живоина. Димитрије Т. А. Дреновски, практ. начал. Алекса Јовановићъ, прак. нач. Стан. Степановићъ, кметъ изъ Шора. Сима Јовановићъ, тишл. изъ Лознице. Тома Лукићъ трг. изъ Лозн. Јованъ Лазаревићъ, предсѣд. примир. с. вар. Лознице за сына Владимира. Милошъ Арсеновићъ, правобран. и пис. Лозн. обшт. Петко Ђздићъ, трг. за сына Цветка. Маринко Ристићъ, папуџа за сына Любомира. Марко Николићъ, за сына Драгутина. Јованъ Стевановићъ, тргов. изъ Корените. Јованъ Симићъ, трг. Стеванъ Симићъ, за сына Јована. Тривунъ Стојановићъ, чл. примир. суда. 22

КРАГУЄВАЦЪ.

(Скупіо Димитрије Лазаревићъ, трговацъ.)

ГГ. Миланъ Богдановићъ, протокол. интаб. Коста С. Анђелковићъ, књиговод. Иванъ Томићъ, II. пис. Практик.: Марко Д. Шарчевићъ. Александеръ М. Вукомановићъ. Миленко Миличевићъ. Никола Бабовићъ. Павле Марићъ. Благое Авраамовићъ, пис. прим. с. обшт. Забойничке. Трговци: Тодоръ Николићъ. Стефанъ Гагићъ, Чумић. Димитр. Лазаревићъ. Милое Настићъ, Чумић. Димитр. Сариџанскій. Марко Ивановићъ. Павле Мильковићъ, бер. Стефанъ Богдановићъ, бакалинъ. Калфе терз.: Живанъ Симићъ. Ђорђе Ђорђевићъ. Сретенъ Мойсловићъ. Сретенъ Милетићъ. 21

РУДНИКЪ.

Г. Начал. среза Качер. Петаръ I. Козељацъ 10. 10

НЕГОТИНА.

(Скупіо Мил. Поповићъ, I. пис. начал. окр. Краин.)

ГГ. Коста Јанковићъ мајоръ, за сына Петра. Јованъ Радовићъ, Помоћ. мајоръ. Јованъ Протићъ казначей, за сына

Николау. Миланъ Поповићъ, I. пис. за сына Александра учн. Настасъ Димитрієвићъ, II. пис. Лазаръ Найдовићъ, I. пис. Риста Топлицкій, II. пис. Риста Протићъ, пис. за кћерь Султану. Ђорђе Гаићъ, практ. Стефанъ Лазарєвићъ, практ. за кћерь Ђлку. Младенъ М. Квићанинъ, практ. за кћерь Анку. Димитріє Ђирнѣ, практ. Димитріє Адамовићъ, дѣорн. Илія Протићъ, практ. Димитріє Величковићъ, практик. Драићель Марковићъ, прак. Панта Урошевићъ, прак. Ђорђе Нешићъ, практ. Станко Стойковићъ, предсѣд. примир. с. за сына Јову. Стефанъ Димитрієвићъ, абація за сына Ристу учен. Јоца Николићъ, мунція за сына Живоина. Антоніє Јовановићъ, абація за сына Тому. 22

МОНАСТІРЪ ЖИЧА.

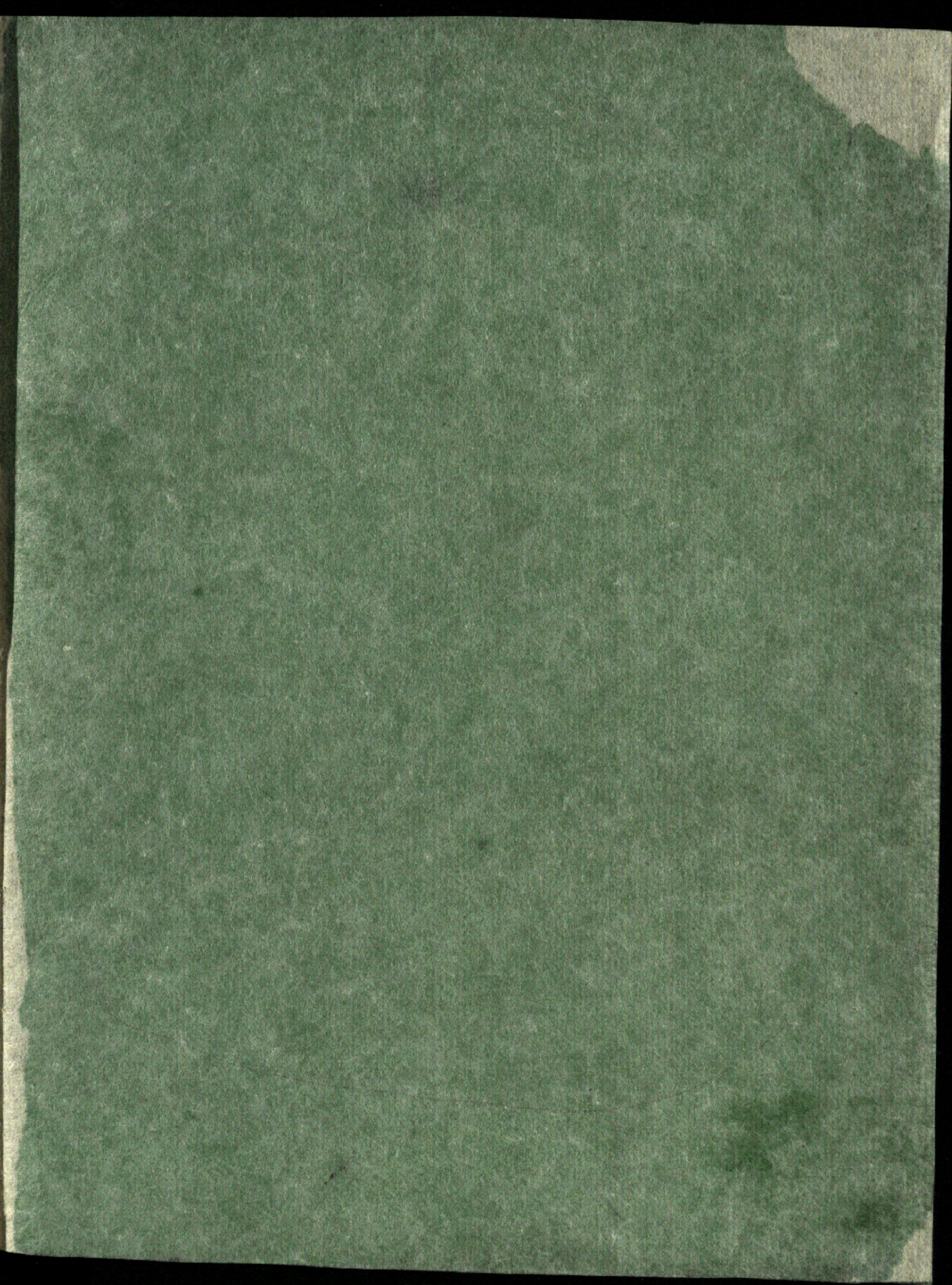
(Скупіо г. Милошъ Вуіовићъ, парохъ Жичкій.)

ГГ. Преподоб. Григоріє Александрићъ, еромон. и наст. ман. Жиче. Милошъ Вуіовићъ, пар. Жич. Михаиљ I. Михайловићъ, учит. Учен. II. раз. осн. шк.: Вићентиє Спасоевићъ. Велько Радовановићъ. Петаръ Вуіовићъ. Савва Јнићъ. Георг. Павловићъ. Вићентиє Милойковићъ. Атанасіє Виловаць. Никифоръ Спасоевићъ. Василіє Стевановићъ. Пошт. майст. дунѣ. Тоша Маркавићъ. 10

У Б Ъ.

(Скупіо Р. Нєковићъ, I. пис. среза Пасав. окр. Валѣв.)

ГГ. Павле Маринковићъ, пар. цркве Бугул. Михаиљ Николићъ, учит. за сына Савву. Михаиљ Петровићъ, учит. Милосавъ Пауновићъ, учит. Михаиљ Митровићъ, трг. за сына Любомира. Никола Павловићъ матеріялиста, за сина Милана. Спасов Павловићъ, трг. за сынове Јована и Драгут. Вунца Петровићъ, трг. за сына Любомира. Панта Јнковићъ, терзія. Јованъ Вуковићъ. кафеція. 10

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Рпг Ср I 520,1

Књигопечатња Княжества Србскогъ.